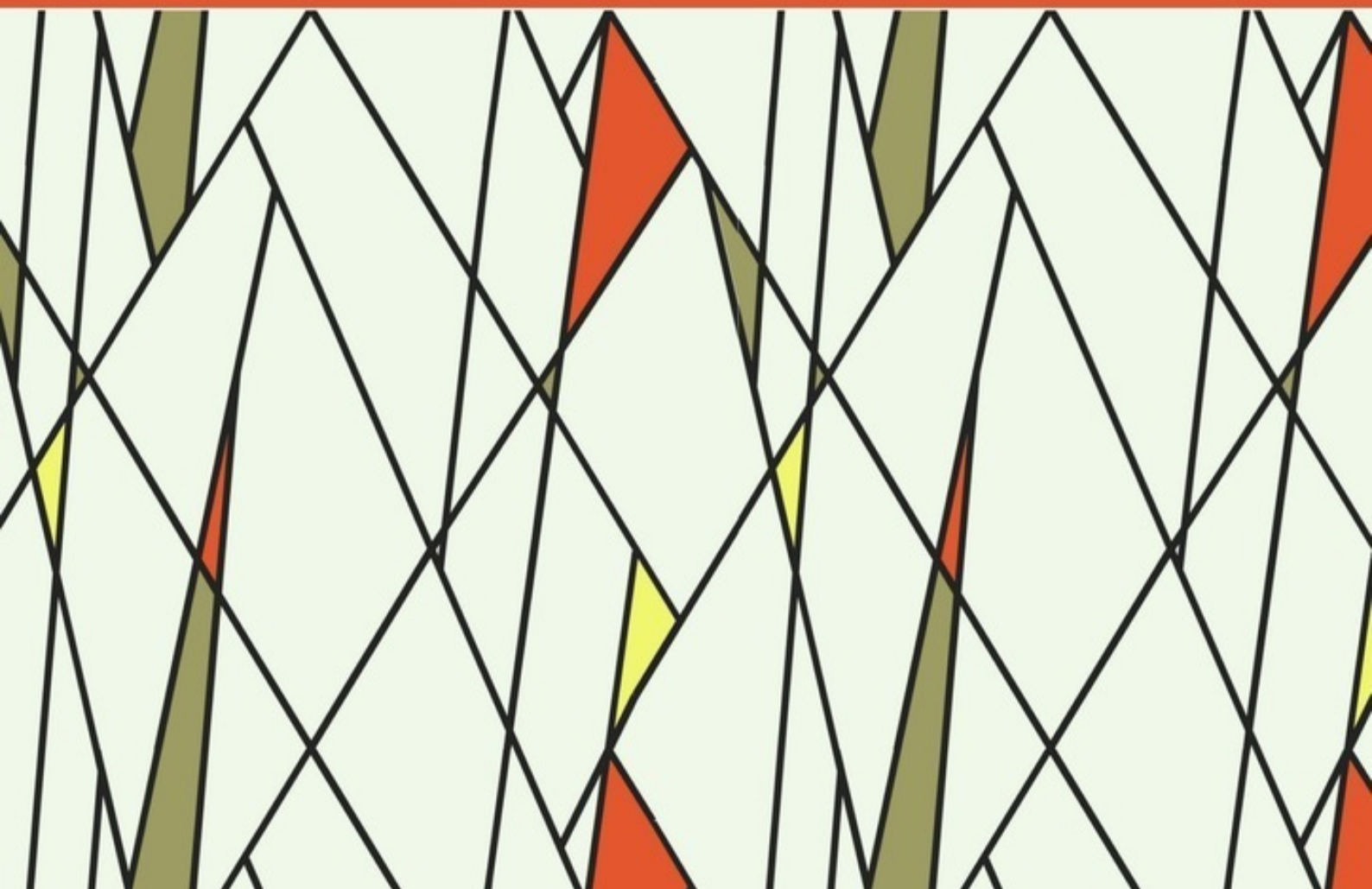

Евгений Малякин

*Ужас
замкнутого
пространства*

Евгений Малякин

**Ужас замкнутого пространства.
Криминально-политический
детектив 2000 года**

«Издательские решения»

Малякин Е.

Ужас замкнутого пространства. Криминально-политический
детектив 2000 года / Е. Малякин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850461-7

2001 год. В московской коммуналке утром находят труп известного депутата,
после чего спецслужбы поджигают дом и пытаются уничтожить семьи
свидетелей. Идет борьба за их жизни, спасены не все...

ISBN 978-5-44-850461-7

© Малякин Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава I. Последние мирные часы	6
Глава II. Небываемое – бывает	12
Глава III. Милицейский произвол	23
Глава IV. Беда одна не ходит	32
Глава V. Круги по воде	40
Глава VI. Приговор партии	50
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ужас замкнутого пространства Криминально-политический детектив 2000 года

Евгений Малякин

© Евгений Малякин, 2018

ISBN 978-5-4485-0461-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I. Последние мирные часы

Утреннее пробуждение Льва Николаевича Хмелевского уже вторую неделю напоминало затяжной кошмар. Сначала синие голые ведьмы впивались в его глаза смрадными губами, норовя откусить ресницы, потом какие-то желтые петухи отплясывали фокстрот на горячей эстраде. Напоследок ему явилось некое число, представленное в разных пространственных обличьях, напоминавших пышные женские формы. Это оказалось самым страшным.

Лев Николаевич метался на кровати и стонал, пытаясь понять, какой шифр использован в этих превращениях и что все это означает. То, что некая информация передается ему, Льву Хмелевскому именно таким странным образом, он не сомневался – настолько сон был убедителен.

С криком откинув от себя влажную от пота простыню, Хмелевский сел на постели и уставился в противоположную стену бессмысленными глазами. По зрачкам полоснул блик, сверкнувший на серебряном кубке. Украшение стеллажа, память о былых славных днях, кубок слегка запылится, но был еще способен раздражать зрение хозяина.

Сердце бывшего спортсмена колотилось, как языческий тамтам во время жертвоприношения – с каждой секундой все громче и быстрее. И ведь это всего вторая неделя запоя! Что же будет дальше?

Однако, не будем лукавить, Лев Николаевич прекрасно знал, что его ожидает этими жаркими летними днями и ночами 2001 года от Рождества Христова..

Сначала он будет наяву охотиться за хорошенькими белочками с пушистыми хвостами, стреляя в них из игрушечного пистолета с присосками – настоящее оружие у него отобрали после досадного инцидента, о котором Лев Николаевич предпочитал не вспоминать. Потом он сам будет кричать, как раненый зверь, бия себя в грудь и расцарапывая лицо. Потом его увезут санитары, и он ненадолго очнется в больнице под капельницей. И месяц реабилитационного периода ему обеспечен.

Потом Лев Николаевич будет хмуро бродить по московским улицам и листать периодику в ближайшей библиотеке, где абонемент у него оплачен на год вперед. Директор сего богоугодного учреждения оказался старым болельщиком и помнил фамилию Левы еще со студенческих времен – так что устроил пятидесятипроцентную скидку.

Но периодика будет прочитана, и вскоре Лев Николаевич непременно встретит своих старых товарищей. Те, в свою очередь, не преминут Лева напомнить о его былых успехах – шутка ли! Он ведь мастер по стрельбе международного класса! – и снова начнет течь в мозгах горечь и печаль. И в один прекрасный день рука снова привычным движением сорвет пробку с водочной бутылки.

Лиза тщательно причесывалась перед зеркалом, краем глаза поглядывая на сопящую гостью. Полина Штерн мирно кемарила на хозяйском ложе, по-детски положив ладонь под щеку и свернувшись калачиком.

«Сон богатого человека – это всегда интересно, – думала про себя Лиза, собирая волосы в пучок и закалывая его на затылке. – Надо будет сегодня сразу после пробуждения снять данные. А то вчера мы окончательно запутались в непреднамеренных убийствах, которые моя клиентка совершает едва ли не каждую ночь. И хорошо, что только во сне...»

Проверив, как сидит в волосах шпилька, Лиза повернулась к окну.

По гороскопу для нее сегодня был удачный день. А это значит – по меньшей мере три клиента, с которыми не придется много работать. Лиза Калинина считала себя достаточно продвинутым экстрасенсом и за два года работы в этой области научилась не замечать скептических усмешек.

«Вы смотрите на меня свысока и думаете, что я дурачу людей? Или считаете меня чокнутой? Тогда скажите мне, почему я могу позволить себе проводить отпуск на Кипре, а вы, в лучшем случае, в поволжском санатории?» – так можно было бы «перевести» ее улыбку, которую она посылала в ответ недоброжелателям.

Более того, сейчас Лиза чувствовала себя на гребне волны. Нет-нет, не в том смысле, что популярность ее профессии растет. Скорее, наоборот – рынок оккультных услуг был уже достаточно насыщен и новичкам приходилось бороться с мощной конкуренцией.

Но Лиза могла не волноваться за свой кусок хлеба. Ее популярность быстро вышла за круг ближайших знакомых, с которых она поначалу не брала денег. те приводили своих друзей и подруг, потом приходили и вовсе неизвестные люди – «знакомые знакомых», пока Лиза не поняла, что клиентуру можно растить и воспитывать.

Особенно, если посетители – большей частью женщины – оказывались из среды богатых, а значит, и влиятельных лиц. И Лиза сделала свою ставку на постоянных клиенток. Как оказалось, не прогадала.

Мало-помалу среди прочей публики образовался довольно тесный круг особо значимых дам, за возможность общения с которыми Лиза держалась изо всех сил. Она лезла вон из кожи, чтобы не прерывать столь ценных для нее контактов и умело балансировала на грани между дружескими доверительными отношениями и собственно сферой услуг. Цена на которые, кстати сказать, была достаточно высока – с точки зрения Лизы, конечно, а не жен состоятельных бизнесменов. Спящая сейчас за ширмой Полина и была одной из таких особо приближенных к персоне гадалки особ.

Для Ирины Соломатовой это утро означало начало трудового уикэнда. Это у нормальных людей он начинается в понедельник, а у продавцов газет – с четверга.

Волшебные слова «телепрограмма на будущую неделю», которые она будет выкрикивать через час с небольшим, стоя у спуска в метро, станут немедленно превращаться в деньги. Много-много мелких бумажек к концу рабочего дня образуют толстенную пачку. Следующие дни будут менее прибыльными и водопад пятисоток и тысячных иссякнет к выходным. Затем – трехдневное затишье и снова в бой.

Шорох тонкой газетной бумаги преследовал ее и в сновидениях. Ежевечерне Ирина отстирывала со своих перчаток жирные черные пятна типографской краски и, покончив с этим занятием, садилась за калькулятор.

Минус налоги. Минус оговоренный заранее оброк менту и тому парню. Отложить четверть на черный день. Сумма, которая оставалась в итоге, была очень скромной по столичным меркам, но позволяла обеспечить себя и Игоря на неделю.

Игорь был на редкость неприятным юношей, но, как думала иногда Ирина, лучше бы он уж западал на куртки и джинсы, на девочек и аппаратуру, чем такое. Соломатова бы напряглась из последних сил и заработала бы нужное количество денег. А так...

Она не припоминала случая, чтобы Игорь о чем-нибудь просил ее в последнее время. Ощущая свою абсолютную ненужность собственному чаду, Ирина впадала в депрессию. Однажды она даже попыталась, словно Магомет, двинуться навстречу неподвижной горе и освоить хотя бы частичку той жизни, которая с головой поглотила ее сына.

Десять страниц книги Штирнера «Единственный и его собственность», а также зачитанная до дыр анархическая брошюрка не внесли ясности в мировоззрение молодого человека.

«Сейчас за это не сажают, – успокаивала себя Ирина. – Но он мог бы хоть выглядеть поприличнее! Скажем, тот итальянец, который приезжал в прошлом году – тоже анархист, а был в галстук». Впрочем, когда итальянца через месяц посадили в римскую тюрьму за контрабанду, Ирина окончательно

потеряла ориентацию в плане соотношения облика политиков и радикальности их программ.

Игорь же преспокойно посапывал за ширмой, расписанной выцветшими драконами, – осталась еще от бабушки. А через час он проснется, быстро съест малюсенький бутерброд и ускачет куда-то на целый день.

«Ах да, он же с Лерой! – вдруг вспомнила Соломатова. – Она, вроде, девушка разумная, хоть и тоже их этих, анархистов. Может, остепенится Игорь да женится на ней?»

Ирина всмотрелась в тоненький зазор между частями складной ширмы, но ничего не увидела.

Андрей Васильевич проснулся от тихого мелодичного звона. Сначала ему показалось, будто он вместе с Ритой снова в Новгороде, – их поездка по русскому Северу в медовый месяц была едва ли не самым светлым событием за время их совместной жизни. Правда, Рита хотела в Коктебель, но Андрей смог тогда ее уговорить. Кажется, супруга доктора Воронина позволила

себе согласиться с мнением своего мужа в первый и последний раз.

Но малиновый звон оказался всего-навсего звяканьем горлышка бутылки о стакан. Марго обычно встречала утреннюю зарю пятидесятиграммовой дозой водки. К полудню она выпивала

еще сто грамм, за обедом – сто пятьдесят и к ужину ей требовалось уже двести. Надо сказать, что суточная доза, измеряемая

поллитрой, была стабильной уже не первый год, и Марго ни разу не отступила от своего распорядка.

Бывшая актриса, госпожа Воронина была тихой алкоголичкой. Ни буйных приступов, ни истерик за ней не водилось. Лишь мягкая улыбка, блуждающая на ее устах, да некоторая рассредоточенность взгляда, плюс легкое пошатывание при ходьбе. В остальном она ничем не отличалась от обычных людей, а кое в чем отличалась даже в положительную сторону – на фоне общей нервозности, неизбежной для обитателей коммуналки, да еще предназначенной под снос, – Марго была на редкость спокойна и невозмутима, говорила всегда тихо и плавно, разве что под вечер иногда начинала запинаться в словах и не к месту цитировать куски из своих прежних ролей.

Не так давно москвичи еще могли лицезреть Маргариту Воронину на сцене пусть не очень модного, но пользовавшегося стойкой любовью жителей столицы театра. В меру талантливая, в меру обаятельная, Марго не хватала звезд с неба, но и не опускалась до вторых ролей. Сначала ей прощали дружбу с алкоголем, но мало-помалу дело стало принимать серьезный оборот.

После того, как она умудрилась заснуть прямо на сцене во время роковой развязки «Бесприданницы», Ворониной объявили строгий выговор. Еще бы! Если за финальным эпизодом пьесы зрительный зал наблюдал, затаив дыхание – настолько убедительно удалось изобразить Маргарите Ворониной душевное смятение своей героини, то уже через десять минут партер хохотал. Актер, исполняющий роль неудачливого жениха, размахивая пистолетом, в ужасе склонился над умирающей невестой. Но вместо последних предсмертных слов прощения он услышал лишь громкий храп.

Последнее предупреждение актриса получила после детского утренника в Кремлевском дворце. Снегурочка-Воронина – центральных ролей ей уже не доверяли и приходилось довольствоваться халтурой – умудрилась надраться прямо во время представления, прихлебывая за елочкой «Московскую особую» из фляжки, спрятанной в рукаве.

Наконец, во время представления на редкость скучной премьеры, приуроченной к седьмому ноябрю, Воронина окончательно дискредитировала себя. Спектакль готовился в крайней спешке и эпизодическая роль, предназначавшаяся для Маргариты, не представляла из себя ничего особенного. Но Воронина умудрилась оживить исполнение жестами и мычанием, не прибегая к словам. В результате, решение худсовета, назначившего Воронину на роль Инессы Арманд признали идеологической ошибкой и несколько человек оплатились своими креслами. Но в Москве еще долго повторяли реплику «Моя любовь – это революция» и сопровождали эту фразу недвусмысленными жестами, которые позволила себе на сцене пьяная в дугу Маргарита.

Как ни странно, Марго пристрастилась пить «в темную» и не жаловала компании. Судьба даже не свела ее с коллегой по несчастью – отставной звездойлевой Хмелевским, проживавшем по соседству в первой комнате.

– Яна еще не вернулась? – тихо спросил Воронин.

Молчание жены отнюдь не было знаком согласия. Просто Маргарита, закрыв глаза, наслаждалась теплыми струйками алкоголя, разливавшимися по ее организму.

– Не нравится мне эта история, – снова подал голос Андрей Васильевич. – Боюсь, что добром все это не кончится.

– А ты не бойся, – отозвалась его супруга. – Не бойся, и все.

Но дикий крик, раздавшийся из коридора, заставил ее вздрогнуть.

– Ты уже? – сквозь сон поинтересовался Сан Саныч, почувствовав, как прохладная ласковая простыня осторожно сползает с его ног.

Яна уже успела выскользнуть из-под одеяла, но ей не удалось исчезнуть незаметно.

Девушка чертыхнулась и шутливо ткнула своего соседа по постели кулаком в бок. Сан Саныч охнул и попытался пощекотать ее большим пальцем между лопаток, но Яна ловко увернулась и подбежала к окну.

Обычно Яна просыпалась раньше и ее роль заключалась в том, чтобы тихой сапой выползти из кровати, не потревожив сон своего возлюбленного, одеться и, прокравшись к двери, громко попрощаться с Сан Санычем.

За время их трехнедельного романа это удалось ей всего два раза – Фабрикант просыпался мгновенно и обычно как раз в тот момент, когда Яна только-только скидывала ноги на пол, нашаривая туфли.

Фабриканту показалось, что сегодня их традиционный ежеутренний ритуал был исполнен несколько натянуто. Неужели снова придется вести затяжные объяснения с ее родителями?

Сан Саныч тяжело вздохнул и разлепил ресницы.

Яна стояла у окна, обнаженная по пояс и, закинув руки за голову, смотрела вдаль.

Невольно залюбовавшись ее фигуркой, Сан Саныч позволил себе несколько секунд не включаться в реальность сегодняшнего дня. Девушка была молода и красива и, Фабрикант на мгновение почувствовал себя счастливым благодаря тому, что рядом с ним находится такое очаровательное существо.

Их роман с Яной возник неожиданно и тут же вылился в самый настоящий скандал. Девушке едва минуло семнадцать, ее родители жили за стеной в соседней, четвертой квартире и Фабриканту с трудом удалось убедить их в том, что он не сделает Яне ничего дурного.

Яна же, со своей стороны, действовала более решительно, со всей наглостью и бесцеремонностью, присущей ее возрасту. Ссылки на Джульетту и зыбкое понятие совершеннолетия в мировой культуре были уже архаизмом. Яна брала нахрапом: она напрямик выложила в лицо сначала маме, потом папе, а потом им обоим все, что она думает об их образе жизни, их образе

мыслей и тех тонюсеньких волосках привычки друг к другу, на которых еще каким-то чудом удерживается их брак. Досталось всему поколению, идеалам отца, эгоизму матери и лицемерию «этих кретинов-взрослых».

Потоки слез, изливаемые Марго и горестные восклицания Андрея Арсеньевича не сломили упорство юной леди, но заставили супругов Ворониных крепче держаться друг за друга в такой двусмысленной ситуации. А Яна, отвоевав священное право на свободу поступков, каждый вечер, пожелав родичам спокойной ночи, стучалась в соседнюю квартиру и возвращалась домой лишь под утром. Наскоро позавтракав и собрав учебники, она отправлялась в школу.

Да-да, Яна Воронина заканчивала в этом году одиннадцатый класс.

Пока девушка порхала по комнате, отыскивая свои вещи, – Фабрикант никак не мог отучить ее от дурной привычки бросать их, где попало, – Сан Саныч уже протер глаза и прикидывал, удастся ли ему сегодня сорвать самый большой в своей жизни куш. Денег должно было привалить столько, что можно было бы плюнуть на бизнес и провести остаток жизни вместе с Яной на каком-нибудь необитаемом острове, купленном или арендованном лет эдак на сто-двести. Но это – в случае благополучного исхода операции. В случае исхода неблагоприятного Сан Саныч не сможет выполнить данное Яне и ее родителям обещание жениться на девушке, потому что его просто-напросто не будет в живых.

Но игра стоила свеч. Хоть и говорил Сан Санычу дедушка Моисей Маркович, а потом повторял его слова папа – Александр Моисеевич, – «лучше спокойный сон, чем золотой гроб», – Сан Саныч Фабрикант привык рисковать и пока что об этом ни разу не пожалел.

– Доброго утра, скупой рыцарь! – обернулась на пороге Яна.

– Почему это я – скупой? – обиделся Фабрикант. – Разве я когда-нибудь жалел денег? По-моему, тебе грех жаловаться.

– Зато ты их любишь больше меня, – парировала Яна и, послав Фабриканту воздушный поцелуй, юркнула за дверь.

В ту же секунду Сан Саныч услышал ее пронзительный визг и выпрыгнул из кровати, словно ошпаренный кипятком.

Глава II. Небываемое – бывает

Это была обычная коммунальная квартира, которых в Москве (в отличие от Питера) оставалось очень мало. Да и те, как наша «героиня», почти поголовно готовились к расселению.

Большая квартира в трехэтажном доме «сталинской» постройки делилась на пять «маленьких» квартир-комнат, где жили, любили, растили детей, ссорились и мирились за последние полвека десятки мужчин и женщин.

Теперешняя «смена» была совсем уж разношерстной, гомонливой и, очевидно, последней. Правда, разговоры ходили разные: одни утверждали, что дом, расположенный в живописной зеленой зоне сносить не будут, а хотят переделать в личный особняк известного магната-олигарха Марка Осинского. В пользу этой версии говорило, то, что Осинский превратил заурядный огромный и грязный чердак, расположенный прямо над коммуналкой, в шикарный пентхауз с ловким отдельным входом. То ли для тайных деловых, то ли – для личных встреч.

Другие уверяли, что, после расселения, эту «хибару» снесут (непонятно, правда, куда при этом денут «гнездышко» олигарха) и будут возводить гостиничный комплекс.

Что бы там ни замышляла Судьба, но жители Большой квартиры последнее время ощущали себя не очень уютно, готовясь к серьезным переменам в своей жизни.

Знать бы им, какие на самом деле грядут события – давно б, любыми путями бежали отсюда без оглядки!

Старейшиной Большой квартиры считалась Ирина Соломатова. И не по возрасту – ей едва перевалило за сорок – а по времени проживания.

Еще четверть века назад она, восемнадцатилетняя девушка пришла сюда жить к мужу, прописалась, через два года у них родился сын – Игорь. Вскоре муж, отличавшийся буйным и блудливым нравом завел себе «левую» семейку, куда и перебрался на постоянное проживание. Двадцатиметровая комната осталась Ирине и маленькому Игорьку, что, по тем временам считалось чуть ли не роскошью.

Как ни странно, Соломатовы сохранили приятельские отношения: Ирина даже не стала менять фамилию бывшего мужа на свою девичью.

А тот никогда не обижал покинутую семью в плане алиментов; на праздники, порой, и в гости с бутылкой заглядывал.

Тем временем в «третьей», Соломатовской, комнате подрос Игорь. Маменькина радость омрачалась только одним: уж больно юноша

увлекается этой чертовой политикой. То он считал себя просто анархистом, то каким-то анархо-синдикалистом, а теперь вообще сдвинулся на «новолевых» идеях, носится с какой-то дурацкой Национал-коммунистической партией. И девицу свою, Валерию, вместо того, чтобы под венец вести таскает на партийные сходняки.

В общем, помимо обрыдлой, но такой необходимой работы, забот у Соломатовой по дому, да с сыночком хватало.

...В это роковое июньское утро Ирина проснулась раньше всех в квартире. Несмотря на то, что предстоял трудный и хлопотный рабочий денек, настроение у женщины было хорошее. Сын спал (или делал вид, что спал) в импровизированной отдельной комнате за ширмой.

Ирина направилась сначала в ванную, мурлыкая на ходу услышанную вчера в юмористической программе песенку:

Утром взявши мыльце,

Нужно вымыть рыльце,

Надо вымыть ручки

И другие штучки.

Плещась под теплым душем, Соломатова вдруг услышала за стенкой, где находился туалет, страшный грохот.

«Похоже, это на унитаза обрушился старый чугунный сливной бачок», – решила Ирина, торопливо накинула халат и выскочила в коридор.

Вслед за ней, разбуженный шумом туда выполз Лев Николаевич Хмелевский, протирая заспанные глаза и откровенно плохо соображая, что происходит.

Впрочем, Ирина тоже с трудом осознавала суть случившегося. Дверь туалета была слегка приоткрыта, но когда Соломатова стала ее открывать (как всегда, вовнутрь), дверь пружинила, будто скрепленная с противоположной стены тугой и толстой рессорой.

– Что за ерунда такая! – в сердцах воскликнула Ирина, устав пихать со всей силы пружинящую дверь плечом.

Тут она заметила ошалело застывшего на пороге своей комнаты Хмелевского и сделала ему приглашающий жест рукой.

Стиснув зубы и героически преодолевая пульсирующую в голове боль, Лев Николаевич вместе с соседкой приналег на дверь сортира. Она

стала поддаваться гораздо лучше. Было такое впечатление, что пружинящая рессора сдвигается постепенно в сторону и...

Ужас! Дверь со стуком распахнулась вовнутрь и в коридор, головой вперед выпало некое человеческое тело.

Вопль разных оттенков удивления и ужаса одновременно вырвался у трех свидетелей кошмара: Ирины, Льва Николаевича и выскочившей в коридор из комнаты Фабриканта Яны Ворониной.

В первое мгновение можно было подумать, что человек просто в дребезину пьян с утра пораньше. Такое бывает: зайдет в туалет, ванную, прислонится спиной к двери, отключится, сползет на пол... Ну, а затем выпадает при открывании. Или, скажем, когда друзья доставляют до дверей квартиры невменяемого собутыльника и, не желая общаться с его разъяренной супругой, звонят в дверь и убегают. В результате, тело неожиданно впадает в квартиру.

Но это был явно иной случай. Одного взгляда на тело хватало, чтобы понять: перед тобой труп. Вокруг сердца, на белой рубашке мужчины расплылось огромное алое пятно, посередине которого торчала замысловатого вида рукоятка кинжала.

Продолжая визжать, Ирина и подбежавшая Яна пятились от трупа, вслед за которым из распахнутой двери туалета ползла привычная сортирная вонь, к которой теперь еще примешивался запах свежей крови.

Хмелевший тупо пялился на тело, пытаясь понять: это очередная бредовая галлюцинация или перед ним натуральный покойник.

Ужас картины и самой ситуации заключался еще и вот в чем. Лет 50—55, довольно полный мужчина, лежащий на спине в коридоре, был абсолютно здесь чужой, но...

Но его лицо, еще не застывшее в мучительной смертельной гримасе, было настолько знакомым, близким, чуть ли не родным. Сколько раз оно появлялось на фотографиях в разных газетах и журналах!

Сколько раз на дню эту говорящую голову показывали по каналам телевидения, где он чаще всего орал на всех и кидался, как припадочный..

Все, кто вслед за Яной выскочили в коридор на шум и крик – и экстрасенс Лиза Калинина, и супруги Воронины, и Сан Саныч – стояли в оцепенении, будто во сне, будто громом пораженные.

Сомнений как бы и быть-то не могло: перед ними собственной персоной, с ножом в груди, одетый в когда-то белую рубашку и легкие серые брюки, в одних носках, и навек теперь застывшими открытыми глазами лежал сам Исак Жирцов, председатель госдумовской фракции либеральной партии, один из вероятных претендентов на вакантный пока пост премьер-министра России...

Это выглядело настолько неправдоподобно, неестественно и нелепо, что в течение, наверное, минуты в коммунальном коридоре Большой квартиры одного из окраинных московских домов висела жуткая, гробовая тишина. Ее прерывали только всхлипывания юной Яны, которая всегда очень симпатизировала пассионарному Жирцову и любила смотреть на него и слушать по телевидению, и которая теперь как в дурном сюрреалистическом сне наблюдала его, простертого у своих ног, выпавшего мертвым из коммунального туалета.

...Молчание, становящееся уже нестерпимым, а потому почти театральным, прервала опохмелившаяся и, значит, наиболее смелая и развязная Маргарита Воронина.

Как на сцене, вскинув руку, она трагически воскликнула:

– Да что же это такое, соседи дорогие? Кто-нибудь может мне объяснить, как он тут оказался?

– Заткнись! – почему-то не менее театральным страшным шепотом посоветовал ей супруг, который, вспомнив о врачебном долге (хоть и был по специальности отоларинголог) наклонился над телом и стал щупать пульс.

Ясно, что сия процедура относилась к разряду абсолютно бессмысленных и запоздалых. Но, одновременно, все, кто был в силах оторвать взгляд от лежащего и переглянуться понимали: надо что-то делать.

Сан-Саныч рванулся было к висевшему на стене старинного образца телефону, но, не дотянувшись до трубки, отдернул руку: уже вторую неделю где-то в микрорайоне чинили порванный пьяным бульдозеристом кабель и теперь даже из уличных автоматов позвонить было невозможно.

Связь с внешним миром отсутствовала.

– Елизавета Петровна, – на правах неформальной старейшины обратилась пришедшая в себя Ирина к экстрасенше Калининой, – у вас есть знакомые в ближайшем отделении милиции. Вы бы сходили, сообщили об этом...

– Да, да...

Лиза попятилась в открытую дверь своей комнаты, откуда выглядывало полное ужаса личико ее проснувшейся богатенькой клиентки Полины Штерн.

Через несколько секунд Лиза выскочила, переодетая из халата в голубое платье и толкнулась в массивную дубовую дверь квартиры.

Увы! Она оказалась запертой на так называемый «ночной ключ», помимо обычного английского замка.

Этот ключ плотно, крепко и надежно закрывал коридорную дверь на ночь от остального мира. Причем тот, кто приходил последним в квартиру после двенадцати, обязан был «ночным ключом» дверь запереть и ключ повесить рядом на специальный гвоздик. Утром же, запоры открывал тот, кто первым покидал квартиру.

Ритуал соблюдался незыблемо, почему все и спали по ночам без опасений за собственную безопасность: взломать дверь можно было только направив на нее танк.

– Ночной ключ! – тоненько закричала Лиза, показывая пальчиком на пустующий гвоздь.

Да забота об охране жилища сыграла на этот раз с обитателями Большой квартиры плохую шутку. Ключ на гвоздике отсутствовал. Это случилось в первый раз за много-много лет и было так же странно, необычно, как лежащий лицом вверх в коридоре Жирцов.

Причем, у всех возникло ощущение, что два этих события между собой связаны. Поднялся невообразимый гомон. Каждый пытался перекричать соседа, рассказывая что-то свое, что-то доказывая.

У людей явно начали сдавать нервы. И немудрено, оказаться с трупом крупнейшего политика страны в коридоре, без телефонной связи, с наглухо закрытой дверью в квартиру, взломать которую никому из присутствующих здесь было откровенно не под силу.

...Переждав, пока гомон слегка успокоится, Ирина Соломатова с силой стукнула кулаком о висевшее на стене большое цинковое корыто.

Этот своеобразный местный набат использовался как аналог вечернего Новгородского колокола, когда требовалось собрать всех жильцов на кухне для решения какого-либо животрепещущего вопроса.

Обитатели Большой квартиры, за исключением гостившей Полины Штерн (которой этот грубый звук ничего не говорил и она, зажав зубами кулак, продолжала тарашиться на мертвеца) гуськом двинулись на общую кухню.

Здесь все слегка расслабились, благо на полу не лежало никаких трупов. Сан Саныч Фабрикант нервно задымил дорогой сигаретой, щедро раздавая из пачки протянувшим к нему просительные руки Хмелевскому и Калининой.

Ирина Соломатова даже поставила чайник, а на удивленный взгляд бледной Маргариты Ворониной заметила:

– Что ж теперь, из-за этого Жирцова и чаю с утра не попить!?

– Я восхищен вашим самообладанием, Ирина, – воскликнул Воронин.

– Но все же, давайте в темпе решать, что нам делать.

– Во-первых, – твердо заявила Соломатова, – необходимо выяснить, куда девался ключ. Без него мы будем сидеть в квартире, как в склепе... одном склепе с покойником.

Всех зябко передернуло.

– Кто вчера последний пришел домой?

Это, грозно оглядывая собравшихся, тоном следователя спросил Сан Саныч (видимо, на правах самого богатенького жильца).

– Я в восемь вечера, – подняла ручку миниатюрная Лиза Калинина.

– С подругой, клиенткой!

– А мы вообще с обеда никуда не выходили, дела делали, – откликнулась Маргарита Воронина. – Мой Андрей Васильевич приболел...

– Ясно!

Сан Саныч Фабрикант оглядел остальных:

– Так... Ирину я в ужин на кухне видел, Яна со мной... А этот ваш Игорек, Ирина Генриховна? Где он?

Соломатова только сейчас сообразила, что ее ненаглядноевеликовозрастное чадо до сих пор дрыхнет, несмотря ни на какие потрясения в квартире.

– Спит еще и ухом не ведет. Но он вчера около девяти явился, так что...

– Подождите!

Хмелевский пытался унять противную дрожь в руках:

– Я вчера в одиннадцать с чем-то выходил в ночной павильон за... ну, за бутылкой. А когда вернулся, то дверь закрыл и ключ повесил на гвоздь. Потом никто в звонок не звонил.

Фабрикант иронично ухмыльнулся:

– А ты, Лев Николаевич ты наш, хорошо вчерашний вечер помнишь в твоём-то состоянии? Может, это позавчера было?

Хмелевский обиженно фыркнул:

– Ты, Саня, не прикалывайся. Если бы не помнил, то молчал бы в тряпочку!

– И то верно! – вступилась за друга Ирина, – Я за Леву ручаюсь, он, если не помнит ничего, то зря сочинять не будет.

– Но, тогда я ничего не понимаю, – подытожил Сан Саныч, – куда же мог деваться ключ?

– А как мог в нашем туалете появиться труп? – ехидным тоном продолжила Ирина. – Все это элементы какого-то злого умысла.

Андрей Воронин не очень вежливо откликнулся:

– Без вас понятно. Но кто злоумышленник? Давайте решительно все выясним. Я вот, например, в туалет хочу, и женщины, уверен, тоже. А там этот... Жирцов... о, господи! И на работу надо.

Помолчали. Внезапно, на пороге возник Игорь Соломатов с удивленным выражением лица:

– Объясните кто-нибудь, что там за мужик лежит возле туалета, войти не дает? Он, по моему, мертвый и кого-то мне напоминает...

– Жирцов это, Исак, из Госдумы, – доходчиво сообщила Лиза Калинина.

Игорь покачал головой:

– Сон какой-то дурной... Откуда здесь этот представитель гнилого еврейского капитализма?

– Я попросил бы тебя!.. – взорвался Фабрикант. – Держи свои политические штучки при себе. Ты ключ не видел, скажи лучше?

– Какой еще ключ?

– «Ночной» куда-то пропал, – сообщила Маргарита Воронина, – выйти даже не можем, милицию хотя бы вызвать.

– Да уж, – рассудительно заметила Ирина, – до приезда ментов мы не имеем права трогать труп, а вот проблема туалета... В ведро, что ли...

Фабрикант хмыкнул и выкинул окурок в стоящее под раковиной помойное ведро. Затем пружинистой походкой делового человека под настороженными взглядами остальных жильцов прошелся туда-сюда по кухне и решительно заявил:

– В общем так. Кого интересует проблема насчет «оправиться», а мне, лично, позарез через час нужно быть по важному делу в одном месте. Иначе я рискую потерять столько денег, сколько не стоит вся эта паршивая коммуналка со всем ее барахлом вместе взятым!

– Ну-у, – насмешливо протянул Игорь Соломатов, – хоть ты тут задушись, но реши проблемы Сан Саныча! А вы не подумали, вообще, о самом главном?

– Это о чем же? – вопросительно уставился на него Хмелевский, надеясь, что главной будет признана проблема немедленного опохмеления.

– Да о том, что мы скажем милиции, когда она сюда, наконец, доберется?

Тут же опять поднялся невообразимый гвалт, поскольку каждый имел свое непререкаемое мнение на сей счет. Отчаявшись разобрать что-то разумное в этом потоке слов, Ирина выбежала в коридор и снова грохнула по корыту. Это возымело некоторое действие, и Соломатовой удалось высказать свою, как ей казалось, наиболее разумную точку зрения:

– Давайте по порядку. Кто-нибудь из нас лично, или через знакомых имел какие-либо отношения с этим Жирцовым?

– Нет! – ответ был всеобщим и одновременным.

– Значит, никто его сюда пригласить не мог и, уж, тем более, сам он к нам в гости вряд ли решил нагрянуть с утра пораньше.

– Точно! – это громко воскликнул Хмелевский.

– Но факт есть факт. Он каким-то образом очутился в нашем туалете, причем, с ножом в сердце. Прямо абсурд! Что скажет милиция?

– А менты скажут, – поддержал речь матери Игорь Соломатов, дымя вонючей сигаретой, – что мы коллективно заманили к себе великого политика и коллективно его «замочили в сортире». Ну, как Путин чеченских террористов!

– Чушь, молодой человек! – выкрикнул Андрей Воронин, – Зачем нам это понадобилось и как мы технически смогли бы это сделать? У него же, в конце концов, охрана должна быть!

– Технически, – продолжал вещать Игорь, – проделать операцию при коллективном сговоре было бы несложно. Менты все, что угодно смогут доказать... А вот – цель убийства? Ну, попрессуют нас всех по камерам, так что угодно расскажем!

– А ведь он в чем-то прав, несмотря на всю бредовость, – задумчиво перебил молодого человека Сан Саныч. – Ведь никак невозможно объяснить, почему, каким образом труп оказался в наглухо запертой изнутри квартире, утром, да еще и в туалете. Никакой фантазии не хватит это объяснить... Вот и объяснят только преступным сговором, всех или части жильцов. И допекут всех. Это вам не кто-нибудь, а сам Жирцов!

– А вот я думаю... – начала было Маргарита Воронина, но соседи так и не успели узнать, каким великим умозаключением собиралась поразить их бывшая актриса.

Из комнаты экстрасенши Лизы Калининой донесся душераздирающий вопль. Секунду все молча переглядывались, потом Лиза еле слышно сказала:

– Это там, у меня... Полина Штерн, подруга...

Все, толкаясь, бросились посмотреть, что еще случилось этим фантазмагорическим утром в их Большой квартире и, влетев в комнату Лизы, остолбенели.

Шла утренняя программа столичного телевидения, как обычно, в прямом эфире. И там, мило улыбаясь очаровательной дикторше о чем-то рассказывал и активно жестикулировал никто иной, как сам... Исак Владимирович Жирцов.

Ирина почувствовала какой-то странный приступ удушья, головокружения. Решив, что сейчас грохнется в обморок, она прислонилась к дверному косяку.

Супруги Воронины стояли с откровенно «отпавшими» челюстями. Фабрикант пытался поднести трясущийся огонек зажигалки к очередной сигарете, а хозяйка комнаты ладошкой зажимала готовый вырваться из груди крик.

Более-менее спокойно реагировали на кошмар происходящего двое:

Хмелевский Лев Николаевич и Игорь Соломатов. Первый решил окончательно, что пребывает в похмельном бреде и следует немедленно остограмниться, чтобы прогнать наваждение.

Игорь же, как-то неестественно вытянувшись, отчего его долговязая фигура смотрелась чуть ли не великански-устрашающе, с руками по швам спортивных штанов, с непонятной ухмылкой смотрел на вещающего с экрана розовощекого партийного вождя Жирцова.

Картина была достойна кисти великого живописца, вроде знаменитого перовского полотна «Не ждали»...

– Да что же это такое происходит! – вырвалось у Яны Ворониной, когда радостно улыбающаяся дикторша поблагодарила Исака Владимировича за «участие в нашем прямом эфире»...

Ирина, взяв себя в руки, почему-то охрипшим голосом произнесла:

– Кто-то из них, по-моему, является двойником.

– Вот только кто? – тихо пропищала Лиза Калинина.

Сан Саныч обвел собравшихся каким-то странным взглядом и заявил:

– Ситуация полностью маразматическая. Если какие-то силы решили заменить Жирцова на двойника, то труп настоящего Жирцова лежит сейчас в нашем коридоре. Спокойно, без паники!

Последние слова относились к громко охнувшей и побелевшей актрисе Ворониной.

– ...так вот, – продолжал Фабрикант, – из этого я склонен сделать следующий вывод: при любом раскладе нас, как нежелательных свидетелей уберут...

– Это как? – наивно спросила экстрасенс Лиза.

Сан Саныч грустно усмехнулся:

– В лучшем случае, надолго где-нибудь изолируют. В худшем — уничтожат.

– К-как... уничтожат? – заикнулась Ирина.

– Способов полно. Проще всего: прямо здесь, на месте, якобы, при попытке оказать сопротивление.

Тут, очнувшийся от некоего внутреннего транса Игорь Соломатов вступил в разговор.

– Фабрикант прав. Я тоже чувствую, что нам всем крышка. Лучше всего смотаться и побыстрее.

– Да что ж ты такое говоришь, сынок! – всплеснула руками Ирина. – Нам, во-первых, и выйти-то нельзя отсюда. И, потом, если мы все вместе скроемся, нас точно обвинят в этом убийстве, разыщут и...

Опять повисла тягостная тишина. Все стали, как-то бочком, выходить из комнаты Лизы Калининой и, стараясь не смотреть на лежащее около туалета в коридоре тело, пробирались на кухню.

Последним там появился Сан Саныч, нервно закурил и сказал:

– У меня лежит «Поляроид» с заряженной пленкой. Надо сфотографировать труп, чувствую, нам эти фотки могут пригодиться.

Он вышел к себе, а оставшиеся принялись обсуждать способы, как известить милицию о случившемся. Предлагалось всякое, но остановились на варианте наиболее реальном.

Следует сочинить письмо в отделение милиции с изложением всего случившегося, приложить к нему поляроидную фотографию (несколько штук этих жутких снимков Фабрикант положил на кухонном столе).

Способ доставки письма был избран до смешного детским, но иного ничего никому в голову не пришло: решили спустить послание из окна на веревочке к подъезду и ждать ближайшего приличного на вид прохожего. Кинуть ему (ей) десяточку и, объяснив ситуацию, попросить доставить письмо в милицию.

Пока шло обсуждение, Андрей Воронин расхаживал по кухне и внимательно разглядывал потолок, что-то тихо бормоча про себя.

...Послание внешнему миру было составлено в течение пятнадцати минут, подписано всеми жильцами и вложено в конверт вместе с жуткой цветной фотографией.

Затем Фабрикант, Ирина и Игорь Соломатовы отправились в третью комнату, окно которой располагалось прямо под подъездом. Там они, высунувшись из окна, спустили на ниточке письмо почти до самой зелени и принялись ждать.

Минут через пять из подъезда вышла знакомая баба Нина со второго этажа и, услышав оклики сверху, подняла голову.

– Баб Нина, видишь письмо?

Ирина подергала за ниточку и старушка, протянув руку, дотронулась до конверта.

– Вижу, дочка. Так что, вы играть с утреца принялись спьяну?

– Нет, баб Нин! У нас ключ от входной двери пропал, никто выйти не может. Я сейчас брошу тебе десяточку, сходи, пожалуйста, до отделения милиции, вызови участкового или какого дежурного там... Письмо вот это отдай им обязательно.

– Так, Иришка, я лучше в ЖЭК, Петьку слесаря кликну, он враз...

– Нет, баб Нин, Петька не справится. Тут обязательно милиция нужна. Ты отдай им письмо, они все поймут!

– Ну, как скажете. Схожу уж счас, молочка вот только куплю.

Баба Нина ловко подхватила порхающую вниз, как осенний листок, купюру. Потом оторвала письмо от нитки и бросила в свою мятую кошелку.

– Черт знает что творится в этом мире!

Фабрикант в сердцах сплюнул из окна во двор и захлопнул окно. Оставалось только ждать!

Глава III. Милицейский произвол

В ближайшем отделении милиции, приняв утреннюю смену и подперев щеку ладошкой, лениво наблюдал за совокупающимися перед ним на столе мухами дежурный капитан Шевченко.

Время было самое тихое и безмятежное, не то, что вечером и ночью. Всех хулиганов, алкашей, драчунов и прочих сброд распахали по соответствующим ячейкам огромного милицейского хозяйства и, в ожидании новых поступлений, можно было расслабиться.

Поэтому Шевченко был очень недоволен, когда перед ним возникла бабулька и молодецки хлопнула о стойку каким-то конвертом.

– Прими вот, милок, и распишись за доставку!

Не оценив по достоинству бабкиного юмора, капитан взял конверт, повертел его и ничего не понял. Особенно надпись: «В отделение милиции, любому офицеру. Срочно и немедленно. Очень важно! Жильцы д. N 8 по Четвертаковскому пер. кв. 17».

– Что это за ерунда, бабуля? Мы в переписку с жильцами не вступаем, ни в деловую, ни в любовную.

Бабка улыбнулась:

– Так это, милок, заявление от людей. Ключ у них пропал, дверь в свою квартиру открыть не могут.

Капитан раздраженно бросил письмо обратно на стойку.

– Возьми, бабуля и иди-ка ты... в ЖЭК, для этих дел слесарям платят зарплату.

Баба Нина пожала плечами.

– Ну, не знаю. Мне туда идти некогда, может, кого из своих пошлешь?

Шевченко развеселился:

– Где это видано, чтобы милиционер за слесарями для жильцов гонялся? Не шути, бабка. Сейчас, я посмотрю для очистки совести, что там эти граждане нацарапали и забирай, ради бога, письмо. Не до ключей мне сейчас.

Капитан вскрыл конверт, потряс.

На стол выпала небольшая цветная фотография. Капитан Шевченко, дежурный по 309 отделению, на несколько секунд застыл, как изваяние, держа перед собой фотографию. Глаза его расширились, он шумно задышал:

– Что такое, сынок?

Баба Нина забеспокоилась, явно заметив, как изменился цвет лица милиционера – он сильно побагровел, у него поднялось давление.

– Откуда, бабка!?

– Что «откуда»?

– Фотография эта?

– Так сам же видел: из конверта выпала!

Шевченко лихорадочно развернул письмо из Большой квартиры, пробежал его глазами. Машинально прикурил, еще раз внимательно прочитал текст.

Всякое он видел за годы службы, но вот этому его глаза, разум отказывались верить. Блеф, розыгрыш... все, что угодно, только... не может это быть правдой!

– Бабуля, тебе это письмо сами жильцы передали?

– А то как же! Неужто я сочинять его для вас буду? А покажи-ка, сынок, фотографию мне, уж больно интересно...

– Нет, гражданка! Вам это совсем не интересно. Спасибо, можете быть свободны.

– А как же в ЖЭК идти?

– Отставить ЖЭК. Забудь, бабуля, про все это, тебе нужна спокойная старость. Иди.

Баба Нина пожалала плечиками, обиженно скривила губы и, раздираемая любопытством, поплелась прочь. «Все равно мне Ирка расскажет, чего это так милиционер вдруг запрыгал?» – решила старушка, направляясь в сторону булочной.

Через десять минут наряд, посланный капитаном Шевченко, пытался уже выломать дверь Большой квартиры, но получалось это у них совсем плохо.

Окончательно взмокнув, милиционеры еще раз через дверь уточнили у ведущего переговоры с ними Сан Саныча, что все так и есть, как написано в заявлении, и вернулись в отделение.

К тому времени, там уже находился начальник майор Могильницкий, который решил исключить всякие самостоятельные действия.

«Дело пахнет большо-ой политикой! – рассудил он, – И лучше от греха подальше спихнуть его наверх».

После чего, не доверяя телефону (да и кто, без фотографии поверит в случившееся) он сел в машину и помчался напрямик на Петровку, 38 в московский уголовный розыск.

Там ему долго не могли поверить, в свою очередь решив, что это неумный розыгрыш какого-то остолопа. Тем более, что некоторые сотрудники видели утром Жирцова живым-здоровым на экране телевизора.

Однако, фотография выглядела настолько убедительно, как, впрочем заявление жильцов и подтверждение начальника 359 отделения, что решено было доложить на самый верх.

Старший оперуполномоченный МУРа, майор Станислав Прибыловский помимо служебных, поддерживал и дружеские отношения с полковником ФСБ Иваном Платоновым, который, кстати, в ранге заместителя директора службы «курировал» все дела по Госдуме и, в частности, «мокрые».

Прибыловский, сорокалетний стройный брюнет с д`Артаньяновскими усиками, набрал номер Платонова и, на удивление, сразу же застал его в кабинете:

– Иван Евсеевич, приветствую тебя!

– Взаимно, Станислав Андреевич. Ты по делу, или просто так?

– Да лучше б, если было просто так. Но тут такое дело, что не знаю, как и начать. Тебя, кстати, непосредственно касается...

– Ну, ну. Тем более, начинай без предисловий.

– В общем так. Тут приехал начальник 309-го отделения милиции. Им утром поступило заявление, коллективное, от жильцов одной коммунальной квартиры. Они обнаружили в своем туалете труп

мужчины. К заявлению приложена фотография, поляроидная...

– И что же такого удивительного, что ты мне звонишь?

– Так на фотографии изображение убитого Жирцова!

– В смысле? Не понял?

– Того самого, вождя... Исака Владимировича Жирцова!

Полковник Платонов несколько секунд молчал. Он понимал, что Прибыловский не шутит. Но как такое могло случиться?

– Слушай, Станислав Андреевич, а на месте преступления уже работали оперативники?

– Нет, Иван Евсеевич! Весь черный юмор ситуации заключается в том, что в эту коммуналку никто не может пока проникнуть, как и выйти из нее. Кто-то, возможно, убийца, запер массивную входную дверь и унес или выкинул ключ.

В телефонной трубке опять повисла пауза.

– А как Жирцов мог оказаться в этой квартире?

– Ума не приложу, Иван Евсеевич. Его, говорят, вот только что, полтора часа назад по телевизору в прямом эфире показывали. Может, двойник какой?

– Ладно, разберемся. Продиктуй мне адрес.

– Четвертаковский переулок, дом восемь, квартира семнадцать.

– Слушай меня внимательно, Станислав Андреевич. Дело крайне серьезное, пахнет жутким скандалом. Прикажи в отделении милиции, пусть подписку возьмут у всех осведомленных: ни малейшей утечки информации. Иначе головы полетят. Жильцов немедленно успокоить, сказать, что через час-полтора все решим. Телефон их немедленно отключить!

– Он и так не работает, там, говорят, что-то с кабелем.

– Прекрасно. Короче, ты меня понял? Немедленная и строжайшая секретность всего дела. Особенно от прессы.

– Да, но...

– Станислав Андреевич, ты, вообще, понимаешь, что произошло, происходит?

– Конечно.

– Действуй и без лишних разговоров. А я буду решать вопрос «наверху».

Прибыловский вытер платком вспотевший лоб, прикурил сигарету и налил себе стакан минералки из холодильника.

Разговор с фээсбэшником ему не понравился. Интуитивно Прибыловский почувствовал, что смерть Жирцова не явилась для Платонова неожиданностью. Его, как будто, удивили только место и обстоятельства.

Однако, Иван Евсеевич был прав: надо срочно засекретить дело.

Тут, как при любом политическом убийстве (а оно, нет сомнений, именно таковое) столько всплывет тайн и грязи, что с самого начала необходимо оградить доступ прессы. Иначе, потом работать просто не дадут.

– Слушай внимательно, майор, – обратился он к начальнику отделения, – мчись сейчас обратно в свою вотчину. Это фото изаявление пока останутся у меня. А в отделении отбери подписку о неразглашении у всех, кто знает о случившемся. Особенно, держать язык за зубами, если набегутся все эти... с телевидения, из газет. Вопросом займутся, похоже, на уровне министерства! Так что, уткнись в текучку, а про остальное пусть у тебя голова не болит.

– Но, как же...

– Получишь благодарность в личное дело... за оперативность и сообразительность. Ясно?

– Ясно. Я поехал к себе.

– Вот и молодец. Наше с тобой тут дело маленькое.

Проводив майора, Прибыловский пошел докладывать своему непосредственному начальству о ЧП. Что там, на какой уровень выйдет Иван Евсеевич Платонов – его проблемы. А тут субординация и свои правила игры.

На Лубянку Платонов ехал с тяжелым сердцем. С заместителем Председателя Александром Владимировичем Тучиным полковника объединяло нечто большее, чем служебные отношения. У них были общие крупные политические интересы, они играли всерьез и, зачастую, с огнем. И в этой игре Платонов привык подчиняться Тучину, чувствовать себя как бы младшим компаньоном.

Вот и теперь полковник Платонов чувствовал, что генерал Тучин по головке его не погладит. Ведь Жирцова «вел» именно он, Иван Евсеевич, и то, что произошло, будет поставлено в вину ему в первую очередь.

Сначала секретарь Тучина, очаровательная Леночка, не хотела пускать Платонова, хотя и была осведомлена об особых отношениях посетителя и шефа.

Однако, Платонов настоял на немедленной аудиенции у генерала «ввиду чрезвычайной срочности и важности сообщения», после чего секретарша скрылась за массивными двойными дверьми кабинета.

Через полминуты оттуда вышли два подполковника с неудовольствием поглядевшие на Платонова, явившегося причиной перерыва в их общении с генералом. Но Ивана Евсеевича эти мелочи сейчас не волновали. Он поспешно вошел в кабинет Тучина.

Генерал всей своей монументальной фигурой возвышался над рабочим столом и даже в этом огромном кабинете смотрелся внушительно. Для 52 лет он сделал неплохую карьеру в органах и поговаривали, что должность зама для него еще не предел. А пока он курировал от «конторы» уголовный розыск и ряд специальных отделов МВД.

Увидев полковника Платонова, Тучин поднялся в кресле, молча пожал протянутую руку и тоном, в котором слышалось легкое раздражение, спросил:

– По какому пожарному поводу ты отвлекаешь меня, Иван, от важного разговора?

– Повод, Александр Владимирович, более, чем серьезный. В одной коммунальной квартире на окраине жильцы часа два назад обнаружили труп Жирцова.

– Что-о? Не может быть!

Тучин так грохнул кулаком по столу, что все предметы на нем, включая массивную хрустальную пепельницу, подпрыгнули минимум на сантиметр.

– Какая коммуналка? Как он там оказался? Объясни мне что-нибудь поконкретнее, а?

Генерал задымил «Честерфилдом» и зло уставился на побледневшего Платонова. Тот прокашлялся и начал объяснять:

– Жильцы коммунальной квартиры в Четвертаковском переулке

сегодня утром в своем туалете обнаружили тело Исака Жирцова с ножом в сердце. При этом, дверь в квартиру тогда была и до сих пор заперта изнутри, а ключ пропал. Они уж больше двух часов там сидят в обществе покойника...

– Это... он, или..?

Генерал внимательно посмотрел в глаза Платонова. Тот промокнул вспотевший лоб платочком и честным тоном сказал:

– Не знаю, точно не знаю. Нужна экспертиза.

Тучин вскочил и, не сдержавшись, заорал:

– Какая экспертиза, Иван?! С ума сошел? Живого Жирцова только что в прямом эфире показывали, а ты...

Генерал ткнул пальцем в «Панасоник» на тумбе в углу и в сердцах бросил окурок на пол.

– Тогда... что же делать? – растерянно спросил Платонов.

– Ну-у... точно сейчас трудно сказать...

– А зря, полковник, зря! Любой из осведомленных может растрепать журналистам и что тогда будет?

– Александр Владимирович, я еще не был там, поэтому можно пока только гадать: несколько человек в отделении милиции, ну, и, конечно, все жильцы коммуналки. Их, думаю, с десятков наберется...

Тучин мрачно молчал, постукивая костяшками пальцев по столу.

Затем, уже спокойнее, спросил:

– Надеюсь, ты решил вопрос, чтобы до особого распоряжения там сами ничего не предпринимали?

– Да.

– У тебя, Иван Евсеевич, где сейчас «группа Зет»?

– На месте.

– В общем, так. Отбирай четыре-пять человек самых шустрых и надежных. Пусть немедленно мчатся туда со спецсредствами. Все должно выглядеть натурально, как цепь случайностей...

– Что «все»?

Генерал пристально посмотрел в глаза Платонову:

– Пожар, который за десять-пятнадцать минут, до приезда пожарных, превратит дом в головешки. И, самое главное, труп вместе с ним. Ясно?

Платонову стало как-то зябко и неуютно. Но возражать он не посмел. Верно было сказано: нет человека, нет и проблемы. То же относится и к сиятельному трупу – гораздо лучше во всех отношениях сделать так, что его как бы и не было. Сам это Жирцов или двойник...

Вот только живые свидетели? Спалить их вместе с квартирой? А ведь там наверняка и женщины, и дети, и старики...

Иван Евсеевич Платонов не был сопливым, сентиментальным гуманистом. За время работы в спецслужбе он делал всякое и видел всякое. Но вот такое сознательное, массовое убийство! Да еще фактически по его приказу?

Из задумчивости его вывел голос Тучина:

– Ну что, тебя уговаривать надо? Сейчас счет на минуты идет, а ты стоишь, мнешься!

– А, может, их просто... скажем, изолировать?

– Как, куда, на каких основаниях и столько человек сразу? Резервацию для них срочно построить? Ты думай, полковник, что предлагаешь! В этом случае, рано или поздно, утечка неизбежна. А нам это надо? Ведь не отмоемся!

Платонов тяжело и сокрушенно вздохнул; он понимал правоту генерала... Но вот если бы приказ ребятам из «группы Зет» отдавать не ему! А кому? Спецоперации такого рода в чрезвычайных обстоятельствах всегда ложились на его плечи и теперь тоже никуда от этого не деться.

Он молча пожал руку генералу Тучину и быстрым шагом вышел из его кабинета.

Вернувшись к себе, Платонов первым делом вызвал командира спецгруппы подполковника Вербина. Это был свой, проверенный в разного рода операциях кадр. А подчиненная ему группа ничем по опыту, подготовке и оснащению не уступала знаменитой «Альфе», только, в отличие от нее всегда держалась в тени и о ее существовании знали единицы из высокопоставленных офицеров.

Дело в том, что «группа Зет» использовалась для таких операций, от которых та же «Альфа» гарантированно отказалась бы по морально-этическим соображениям. А для голово-резов из «Зета» подобных проблем не существовало, как не существует их для классических западных наемников из разного рода «иностранных легионов».

Вот и теперь, выслушав приказ Платонова, подполковник Вербин и бровью не повел, а только уточнил ровным бесцветным голосом:

– Все до единого должны погибнуть при пожаре?

– Да. Но, подчеркиваю, все должно выглядеть натурально и естественно. Никакого лишнего шума, и ребята твои пусть держат язык за зубами до конца своих дней.

– Это само собой разумеется, Иван Евсеевич.

– Вот и ладно. Через час доложить об исполнении.

– Есть.

Вербин вышел из кабинета и помчался в место дислокации своего спецподразделения. А Платонов набрал данный ему Прибыловским номер телефона начальника отделения милиции в Митино майора Могильницкого и, когда того поднял трубку, коротко спросил:

– Ну, что там у вас?

– Тихо пока.

– Понятно. Через минут двадцать эту проблему будут решать наши ребята из ФСБ. Ни в коем случае не вмешиваться, что бы ни случилось: взрывы, наводнения, пожары... Вы меня хорошо поняли, майор?

– Так точно.

– Вот и славно. Если все пройдет, как требуется, вас поощрят.

Полковник Платонов положил телефонную трубку, закурил и мрачно уставился на пепельницу. Ох как не нравилась ему вся эта история!

Глава IV. Беда одна не ходит

На исходе второго часа, как было отправлено заявление в милицию и предпринималась попытка взломать дверь, напряжение в Большой квартире достигло опасного предела.

– Про нас или забыли, или... – заявил бесцельно бродящим по кухне жильцам Сан Саныч Фабрикант и достал из пачки очередную сигарету.

– Или что?

Это нетвердым голосом спросил Хмелевский, уже успевший слегка опохмелиться с помощью бывшей актрисы Ворониной.

– ...или против нас власти что-то нехорошее замышляют и сейчас идет подготовка, – закончил мысль соседа Игорь Соломатов, обнимающий за плечи свою боевую подругу по партии и постели Валерию.

Нервно хихикнув, Лиза Калинина возразила:

– А что им против нас «замышлять»? Мы же ни в чем не виноваты!

– Да при чем тут мы? – поддержала ее Ирина Соломатова, неодобрительно поглядев на сыночка-паникера.

Игорь насмешливо фыркнул:

– Вы что, мало детективов и боевиков по телевизору смотрели? Не понимаете, в какую гадкую ситуацию мы влипли? Наверняка есть серьезные люди, которые не заинтересованы, чтобы об этом трупе узнали... А значит и мертвеца и нас, нежелательных свидетелей, надо это...

Соломатов сделал неопределенный жест рукой, по которому, однако, все поняли, что он имел в виду.

– Ладно, – заявил Андрей Воронин, поглядывая с нетерпением на ручные часы, – предположим, Игорь и Сан Саныч правы и ничего хорошего нас в ближайшее время не ожидает из-за этого «великого политика»... Но что конкретно нам делать?

– Выбраться отсюда. И чем быстрее, тем лучше!

Игорь Соломатов заявил это настолько уверенно и безапелляционно, что все присутствующие инстинктивно почувствовали его правоту.

– Но ведь дверь мы не взломаем, а из окон прыгать слишком

высоко и очень опасно!

Это сказала Яна Воронина, которая абсолютно не стесняясь и присутствующих родителей и соседей, откровенно жалась к Сан Санычу, отчего и тому, похоже, было самому неудобно.

Все снова примолкли, сознавая безнадежность попыток без посторонней помощи покинуть квартиру. Чувствительная экстрасенща Лиза начала тихонько всхлипывать, в чем ее не замедлила поддержать уже полупьяненькая с утра Маргарита Воронина.

С сожалением посмотрев на свою жалкую женушку, Андрей Васильевич Воронин опять стал пристально изучать потолок и через несколько секунд сказал:

– Сан Саныч, подойди сюда, пожалуйста.

Когда Фабрикант приблизился, Воронин пальцем указал ему на место над одной из газовых плит.

– Смотри: видишь, что трещины образуют почти правильный четырехугольник. У меня такое впечатление, что там люк, ход на чердак...

Сан Саныч и присоединившийся к ним Игорь Соломатов стали внимательно разглядывать потолок.

– Да, – задумчиво произнес Фабрикант чуть погодя, – когда-то там, похоже, был ход...

– А потом, при последнем ремонте лет пятнадцать назад его заделали! – подхватил Игорь.

– Да, я помню что-то такое, – оживилась «старейшина» Большой квартиры Ирина Соломатова.

– Нужен лом или топор! – решительно заявил Игорь и оглядел присутствующих.

– Так под ванной, я недавно туда заглядывала, какой-то лом валяется, – заявила Яна Воронина и направилась в ванную комнату. Однако, едва выйдя в коридор, она вскрикнула и влетела обратно на кухню:

– Нет... не могу! Там этот... лежит, я боюсь!

– Стой спокойно.

Сан Саныч вышел и, спустя полминуты, вернулся, волоча за собой заржавевший лом.

– Ну и ну! – удивленно покрутил головой Лев Николаевич Хмелевский. – Чего тут только в нашем гнездышке не отыщешь.

– Да, если искать чего-нибудь другое, кроме бутылки, – заметил Андрей Воронин, взял из рук Фабриканта лом, залез на плиту при помощи табуретки и с силой ударил по потолку.

Посыпалась штукатурка...

Открывшийся деревянный люк трое мужчин долго и натужно толкали вверх: Игорь Соломатов стоя на лестнице, которую приволокли все из того же коридора (право, чего там только не было, вплоть до трупа Жирцова), Воронин при помощи лома, а Сан Саныч – вооружившись обычной деревянной шваброй.

Когда, наконец, люк поддался, первым туда полез, как бы в роли разведчика, Игорь. Его ждали, затаив дыхание. Минут через пять он, свесил голову из люка, радостно сообщил:

– Все в порядке, граждане России! Там из этого пентхауса из окна, почти что, выходит лестница пожарная. Всем можно спуститься, если очень захотеть. Так что собирайте манатки!

– А что собирать-то? – спохватилась Лиза Калинина, – Одежду, книги...

– Деньги, документы и драгоценности, если есть!

Отрезав это, Ирина Соломатова первая ринулась в свою комнату, чувствуя, что нельзя терять ни минуты. Вслед за ней по своим берлогам рассредоточились остальные обитатели Большой квартиры и начало эвакуации было положено.

...А в это время к дому подъехал серенький микроавтобус. Из него вышли четверо крепких мужиков, одетых в серенькие спецовки неопределенной принадлежности. Через плечо у каждого висели одинаковые серенькие сумки вроде бы как для разного рода инструментов.

Войдя в подъезд, они поднялись на третий этаж и остановились перед массивной дверью семнадцатой квартиры.

Один из них, покачав молча головой, стал внимательно исследовать замок. Через пару минут, он вполголоса сказал наблюдавшим за ним товарищам:

– Держите «пиротехнику» наготове. Как только открою замок, пуляйте ее туда, да в темпе. Надо будет успеть закрыть дверь, пока никто не выскочит.

С этими словами, он достал из своей сумки какую-то мудреного вида железную загогулину, сунул ее в замочную скважину и аккуратно, стараясь не производить шума, начал там ковыряться.

Прошла томительная минута, раздались пара шелчков и дверь плавно стала открываться. Как только образовалась достаточная щель, в нее одна за другой, как жонглерские кегли, полетели зажигательные шашки и вслед за ними литровая банка бензина.

Попыхнуло так, что людей в сереньком обдало сильнейшим жаром.

Тот, который был с отмычкой, едва успел закрыть дверь и замок, чем заглушил раздавшиеся из квартиры отчаянные крики.

После чего, не дожидаясь результатов проведенной операции, люди быстро выкатились из подъезда и прыгнули в микроавтобус. Если кто и обратил за это время случайно на них внимание, то вряд ли связал это с последующими событиями.

А они развивались не совсем по намеченному «диверсантами» сценарию.

Огонь, конечно, быстро побежал по деревянному полу коридора семнадцатой квартиры. Начала пузыриться и гореть масляная краска на стенах. Вспыхнули волосы на трупе Жирцова... Вспыхнуло все, что могло и должно было загореться.

Но обитатели квартиры с узлами в руках, кто что успел собрать, уже прыгали вокруг лестницы, ведущий на чердак, торопя и подсаживая очередного спасающегося.

Некоторые женщины успели собрать с собой целые баулы с барахлом и теперь мучились, понимая: надо спасать себя, а узлы придется бросать, так как невозможно с ними лазить туда-сюда по лестницам.

В кухню уже пробивался огонь и валил едкий черный дым. Но к тому времени, когда стало невозможно видеть и дышать, последний из жильцов бывшей Большой квартиры уже находился на чердаке – пентхаузе. Там, через открытое окно, так же по очереди, они добивались до земли.

На их закопченные, обьятые страхом лица из полыхающих окон уже всех трех этажей летели сажа, пепел... Дом горел, как сухой спичечный коробок.

– Быстрее, бежим в парк!

Это крикнула Ирина Соломатова, видя полную растерянность и беспомощность своих бывших соседей. Присутствие духа сохраняли, похоже, лишь Сан Саныч и Игорь.

Фабрикант был до смерти рад, что выбрался из этой ловушки живым-здоровым и у него еще есть время, чтобы сорвать сегодняшний куш. «А там, – уже решил он для себя окончательно, – немедленно улетаю с первым же заграничным рейсом. И безо всякой Яны. Ситуация изменилась, я теперь, как и все тут, стою на краю пропасти. Некогда возиться с девчонкой и ее родителями,

загранпаспорт оформлять, договариваться... История настолько дикая вышла, что самое разумное – побыстрее уносить ноги. В любом случае. Иначе – крышка, однозначно».

Игорь Соломатин, весь перепачканный, в порванных джинсах и футболке почему-то довольно улыбался, в отличие от пребывающих в истерике и шоке соседей по бывшей уже большой квартире.

То ли просто радовался спасению, то ли у него были не менее серьезные причины радоваться, наблюдая, как под вой сирен примчавшихся пожарных машин, родное гнездо окончательно превращается в головешки.

Отдышавшись, упав на скамейки в ближнем скверике, обитатели сгоревшей квартиры номер семнадцать дома восемь стали осознавать, что же с ними произошло.

– Господи! – запричитала вдруг Маргарита Воронина. – Ведь у нас все сгорело, совсем! И она для убедительности потрясла целлофановым пакетом, в котором могли уместиться разве что документы и предметы первой необходимости.

К ее слезам немедленно присоединилась и Лиза Калинина: у женщин наступила естественная реакция на случившееся и требовалась разрядка, в виде слез. Полина Штерн с непередаваемой жалостью смотрела на ту, которая еще вчера уверенно предрекала ей чемодан и маленькую тележку счастья в личной жизни. Она обняла Лизу за плечи и зашептала не для общего, конечно, сведения:

– Лизонька, ты же знаешь, что мой дурак – заместитель министра. Мы тебя не оставим, поможем и с деньгами и где пожить какое-то время. Телефон мой не потеряла?

– Н-нет, – всхлипнула Калинина, – наизусть помню.

– Ну, вот и хорошо. Я сейчас домой, в порядок себя привести, а вечером звони, придумаем, как тебе помочь.

Полина сказала общее «до свидания» и направилась ловить машину. Ей надо было немедленно переговорить с мужем. Ведь она, хоть и не погорелец, но тоже свидетель истории с Жирцовым, а значит, находится в смертельной опасности. Ведь «крематорий на дому» им явно устроили не простые люди и не случайно. Как только они поймут, что свидетели живы – жди беспощадной охоты. Но у ее дурака Женьки есть выходы на самый «верх», он обязан решить как-то проблему.

Вслед за ней помахал ручкой бывшим соседям закопченный Фабрикант. Он был уверен, что больше ни при каких обстоятельствах и никогда в жизни их не увидит. «Была без радости любовь, разлука будет без

печали», – вспомнил он строчку классика, направляясь вслед за Полиной Штерн на поиски машины. Бросившейся за ним Яне Ворониной он коротко объяснил: «Хватит рисоваться на публику. Мой рабочий телефон знаешь? Так вот, звони туда после обеда, уедем срочно на Мадагаскар».

Но юная Яна безошибочным женским чутьем угадала, что это последние слова, которые она слышит от Сан Саныча, еще утром сладко целовавшего ее во все местечки и обещавшего райские кущи.

После исхода, на пустой аллее осталось семейство Ворониных, мать и сын Соломатовы вместе с Игоревой Лерой Новопольских, Лиза Калинина да Лев Николаевич Хмелевский. Они растерянно смотрели друг на друга и каждый не мог понять: как жить дальше и стоит ли жить после случившегося вообще.

Старший оперуполномоченный МУРа Станислав Прибыловский вернулся с доклада начальству сильно разочарованный. Он уже предвкушал, что ему поручат, пусть даже в составе группы провести расследование этого необыкновенного дела, обещавшего быть громким и потому сулившего в итоге награды, повышения etc...

Ведь не каждый день и даже год убивают политические фигуры такого масштаба, до еще при столь загадочных обстоятельствах. Шумиха поднимется страшная: он с важным, деловым и таинственным видом будет «отшивать» назойливых репортеров, каждый день станет входить с особо важным докладом о ходе следствия в кабинет шефа...

Но действительность растоптала грубым сапогом мечты и иллюзии Станислава Андреевича. Начальство приказало ему закрыть рот на замок впредь до особого распоряжения и заниматься текучкой. То же самое, в общем, что он сам недавно сказал начальнику того самого отделения милиции майору Могильницкому.

Прибыловский решил переговорить с Платоновым попытаться выяснить, какие ветры, в связи со случившимся подули в высоких инстанциях. Но Иван Евсеевич «добил» его окончательно:

– Привези мне немедленно фотографию и заявление жильцов. Все это надо уничтожить и забыть, как о дурном сне.

– Не понял?

– Тебе и понимать не надо. Вопрос решается на уровне генерала Тучина, а, может, и еще выше. Да и этот дом, где, якобы, был найден непонятный труп, полчаса назад сгорел дотла.

– Не может быть, Иван Евсеевич, что-то здесь не то!

– Станислав Андреевич, заруби себе на носу: не твоего ума это дело. Хочешь носить голову и погоны не плечах?

– Не против, конечно.

– Вот и сиди себе спокойно. Тебе, надеюсь, твое начальство это объяснило?

– Да, но...

– Короче, жду тебя с этими материалами через двадцать минут у себя. И без фокусов.

– Ладно, – убитым голосом сказал Прибыловский, осознав, что уперся лбом в стену, которую ему не прошибить.

Он положил фотографию убитого Жирцова (или лже-Жирцова?) в конверт и отправился на Лубянскую площадь. Для него, похоже, это дело было закрыто, не успев начаться.

Ирина Соломатова сидела на лавочке в сквере, неподалеку от места, где догорал ее дом, и просматривала в целлофановом пакете то, что впопыхах в него покидала.

Тут были все документы ее и Игоря от свидетельств о рождении до квитанций о квартплате. Были хранившиеся на «черный день» (который как раз и наступил) деньги и кое-какое золотишко, еще от матери и бабушки ей доставшееся в наследство. Плюс к этому разные финтифлюшки-побрякушки, ценные только как память о каких-то далеких событиях.

А еще Ирина обнаружила, что машинально бросили в пакет пару фотографий, сделанных Сан Санычем. Они лежали у нее на комод, когда они сочиняли письмо в милицию. Одну отправили в конверт, а две других так и остались лежать – не до них было. Впопыхах Соломатова и смахнула в пакет эти глянцевые поляроидные отпечатки.

– «Господин, что же теперь с этим делать?» – думала она, оставшись на какое-то время почти в одиночестве. Семья Ворониных в полном составе после короткого совещания уехала к матери Андрея Васильевича в Подмосковное село Лесное.

Лиза Калинина, в ожидании помощи со стороны своей любимой клиентки Штерн, решила съездить в гости к одному старому другу – привести себя в порядок и поплакаться в жилетку.

Лев Николаевич Хмелевский сидел рядом с Ириной и мрачно глядел на лежащий перед ним окурок на асфальте. «Нам с Ириной теперь негде жить и негде любить друг друга», – свербила его мозг одна мысль. И еще – он очень хотел выпить, но боялся отойти от Соломатовой хоть на шаг.

И, наконец, Игорь Соломатов, поцеловал маму, взял с собой Леру и отправился, по его словам, в штаб партии, где его с нетерпением, дескать, ждут...

Ирина, прежде чем все разошлись, сообразила назначить через день общую встречу в районе пересечения Цветного бульвара и Садового кольца. Все согласились с тем, что им ни в коем случае нельзя теперь терять друг друга из виду. Поэтому быть обещали все и при любых обстоятельствах.

– Лева, – ткнула локтем в бок мрачного Хмелевского Ирина, — как ты думаешь, выкинуть эти фотографии или оставить?

Лев Николаевич искоса глянул на снимки и безразлично заметил:

– Как хочешь. От него все-равно теперь один пепел...

Соломатова вертела фотки в руках не зная, на что и решиться. С одной стороны, раз уж такое произошло, лучше избавиться от любых свидетельств причастности к этому... Но, с другой стороны, мало ли что может пригодиться при теперешнем, во всех отношениях катастрофическом положении.

Ирина бросила изображение убиенного Жирцова обратно в пакет и сварливым тоном сказала Хмелевскому:

– Ну, и что ты предлагаешь теперь делать?

Лев Николаевич пнул носком спортивного тапочка окурок и пробормотал:

– Не знаю. Надо отсюда сматываться. По-моему, эти люди сознательно хотели нас убить и будут убивать.

– Да, – задумчиво согласилась неглупая женщина Ирина Соломатова, – как только при исследовании остатков пожарища не обнаружат наших останков, они начнут охоту. Для них, в этом случае, лучший свидетель – это мертвый свидетель.

Глава V. Круги по воде

Время наступало обеденное, но в этот сумасшедший денек генералу Тучину про еду некогда было и думать.

Он, нервно постукивая остро отточенным карандашом по столу, слушал рассказ полковника Платонова.

– ... Ребята, как только полыхнуло, сразу уехали...

– Почему? Надо было проследить за этими жильцами с верхнего этажа!

– Я им уже поставил на вид, Александр Владимирович.

– «Поставил!» – взорвался Тучин и вскочил, уронив такое же массивное, как и он сам, кресло. – Вас всех, начиная с тебя надо знаешь как поставить... вашу мать! Профессионалы хреновы! Такое дело не довести до конца!

– Но вы же сами говорили о секретности. Они не решились там рисоваться на публике, могли возникнуть подозрения...

– Эх ты, Иван Евсеевич, прости меня и дурак, хоть и полковник. По херу подозрения! А если кому-то удалось спастись? Ты понимаешь, что тогда будет?

– Понимаю. К сожалению, Александр Владимирович, вы не далеки от истины...

Генерал Тучин, красный от гнева, пнул ногой лежащее кресло, подскочил к сейфу, достал бутылку «КВ» и плеснул себе треть стакана. Сделав большой глоток, он злобно уставился на Платонова и, почти шепотом сказал:

– Ну, ну, дорогой мой во всех отношениях, продолжай...

В дверь просунулась симпатичная мордочка секретарши Леночки и прощбетала:

– Александр Владимирович, к вам...

– Пшла вон!!!

Тучин заорал так, что Леночка чуть не прищемила свою светлую головку в испуге захлопывая дверь.

Платонов, чувствуя, что коллега не в себе, решил говорить ему правду, но в как можно более обтекаемых формулировках:

– Товарищ генерал, выслушайте, пожалуйста меня до конца.

Тучин, допивший вторым большим глотком коньяк, спокойнее посмотрел в глаза стоявшего перед ним полковника Платонова:

– Говори, я слушаю.

Он закурил.

– В общем, пожарники, подъехали, когда этот дом уже догорал. Им и тушить то особо нечего было. Потом начала работать наша бригада, эксперты-криминалисты. Я сам опросил спасшихся жильцов, которые толклись со своим барахлом возле пепелища. Они все были или с первого или со второго этажей. С третьего не оказалось никого.

– Так. И что это значит?

– К сожалению, Александр Владимирович, они, похоже, все каким-то образом сбежали, спаслись...

Тучин мрачно покачал головой.

– С чего ты так решил, полковник? И как они могли при таком пожаре всей гурьбой вылезти из запертой квартиры на третьем этаже?

– Сейчас об этом можно только догадываться. А то, что они живы... Коротко говоря, эксперты кроме одних сильно обгоревших останков, других не обнаружили. Сами можете догадаться, чьи кости были найдены...

– Я не собираюсь ни о чем догадываться! – опять взорвался криком генерал. – Мне нужны конкретные, проверенные факты. А так же четкие и профессиональные действия, которых ни ты, полковник, ни твоя хваленая «группа Зет» ни хрена не проявили! Это же надо так лохануться!

Тучин снял трубку зазвонившего телефона и с силой бросил ее обратно на рычаг.

– Короче говоря, Иван Евсеевич, теперь по Москве шастает целая толпа непредсказуемых свидетелей убийства Жирцова, а мы сидим и ждем, когда эта бомба замедленного действия сработает! Мы не имеем права этого делать.

Генерал в тяжелой задумчивости прошелся по кабинету.

– Выход я вижу только один, полковник. Всех этих... жителей надо разыскать и нейтрализовать. Если тараканы разбежались из-за печки, когда плеснули кипятком, кто куда – это не значит, что

надо махнуть рукой и их не уничтожать...

Тучин даже ухмыльнулся, настолько ему понравилось собственное сравнение.

– Ну вот, – продолжал развивать он свою мысль перед молчавшим Платоновым, – даю тебе время до вечера на сбор информации по всем этим объектам. А после этого ровно сутки на их ликвидацию. Пока они не успели оклематься после пожара и разболтать о Жирцове, надо действовать быстро и решительно. Помнишь, как говорил Ильич? «Промедление смерти подобно!» Учти, полковник...

Генерал многозначительно посмотрел в глаза Платонова и закончил:

– В общем, мужик ты сообразительный, Иван Платонов. Сам знаешь, как действовать в таких случаях. Не делай глупостей больше, работай. Оплошаешь еще раз – пеняй на себя. Всему конец. И тебе в том числе. Ни чин, ни должность не спасут.

– Знаю, Александр Владимирович, не дурак...

– Надеюсь. Вечером, часиков в десять позвони, как идут дела.

Вернувшись в свой кабинет, Платонов отдал все необходимые распоряжения подчиненным и специальным службам. Естественно, он не боялся, что его кто-нибудь спросит о подозрительном интересе к неким безвестным людишкам из сгоревшей коммунальной квартиры.

Все это входило в специфику его работы. А если кто и мог потребовать с него отчет, так это сам директор ФСБ, но его вряд ли заинтересуют такие мелочи. Тем более, что Иван Евсеевич Платонов, верой и правдой прослуживший органам почти тридцать лет (начинал он еще простым «стукачом» на первом курсе института) был на хорошем счету и действия его по тем или иным направлениям практически не проверялись.

И все же на душе опытного чекиста скребли кошки. Он хорошо отдавал себе отчет, в какую дрянную историю втянула их эта нелепая случайность с Жирцовым.

Ведь все должно было быть совсем по другому! Как мог Исак, мощный, ушлый, деловой и агрессивный политик федерального уровня, знаменитость России, оказаться в этом сортире какой-то занюханной коммуналки на глазах домохозяйки и алкашей? Ума не приложить!

И еще предстоит выяснить, кто сегодня вещает с думской трибуны:

сам Жирцов или его двойник. Впрочем, это нетрудно будет проверить. Достаточно одной встречи генерала с Исаком, и их разговора – тут же станет понятно, кто (двойник или подлинник) превратился в пепел и отправился в рай или в ад.

– Скорее, последнее, – вслух пробормотал Платонов и нажал кнопку чайника «Тефаль».

На самом деле сейчас его мучила не проблема «двух Жирцовых», а предстоящая работа. Организовать почти одновременное (пусть и в разных местах) убийство стольких людей – дело чрезвычайное.

А главное – опасное. Ведь, не ровен час, кто-то сопоставит... Но кто? В МУРе об этом деле больше всего осведомлен Стас Прибыловский. Он тут недавно был с кислой физиономией, когда привез на уничтожение фотографию и письмо жителей.

Мужику явно нейдет поучаствовать в расследовании скандального дела, а ему велят заткнуться. Но он ведь честный у нас, принципиальный. Чувствует какой-то серьезный подвох, будет все-равно совать свой нос.

«Надо держать его под контролем и в случае чего прижать так, чтоб и пикнуть не посмел, выскочка!» – решил про себя Платонов и заварил себе чай. Затем вызвал командира «группы Зет» подполковника Вербина. Громилу со стальными нервами и полным отсутствием понятий о чувствах и химере совести.

– Присаживайся, Денис Петрович, – почти ласково предложил ему Платонов, указывая на кресло против своего стола. – Вот я и чайку тебе приготовил.пей и слушай меня внимательно.

Предстоит непростая работенка и сделать ее надо на отлично. Твои ребятки уже допустили серьезный промах, когда не проследили за тем, чтобы с третьего этажа при пожаре никто не смог эвакуироваться. Теперь надо исправлять ошибку.

– Так вы не давали приказа этих жильцов... того... Иван Евсеевич! Только конкретный быстрый пожар, без рисовки и стрельбы. Они так и исполнили.

– Ладно, ладно, – примирительно поднял ладонь Платонов, – это моя недоработка. Не учел я кое-чего. Ты слушай дальше, подполковник. На этот раз мы не имеем права лажануться, а то полетят наши головушки...

Поэтому, отбери пяток надежных ребят... ну, спецов по этим самым делам... Они получат фотографии и адреса возможного местопребывания объектов. Завтра, в течение дня, любой ценой эти объекты должны быть ликвидированы. Тихо и без шума. Пообещай тем, кто сумеет замаскировать гибель живой цели под несчастный случай, особое вознаграждение.

Иван Евсеевич закурил, с полминуты молчал, внимательно разглядывая Вербина, который сидел с каменным лицом, не выражавшим никаких эмоций.

– Надеюсь, Денис Петрович, тебе не надо объяснять, что операция совершенно секретная. Твоих людей не должно интересовать – кто эти «объекты» и за что их надо убрать. Достаточно сказать, что они представляют крайнюю опасность для государства... В общем-то, как ни странно, так оно и есть.

Платонов опять помолчал и решил закругляться.

– Короче, в двадцать один ноль-ноль доставишь мне своих орлов сюда в кабинет. Я погляжу на них и дам кое-какие инструкции дополнительно.

Ирина и Лев Николаевич ехали в электричке до Лобни. Там у Соломатовой жила тетя Валя, родная сестра покойной матушки. У нее можно было отсидеться сутки до назначенного свидания с соседями-погорельцами.

– Там мы будем, по крайней мере, в безопасности, – уверяла Ирина Хмелевского, который с неизменно мрачным видом потягивал пиво из бутылки. – Там до нас никакие киллеры не дотянутся. А Игорек эти сутки в своей партии посидит, его там тоже не тронут, при людях-то, а завтра к нам присоединится.

Лев Николаевич скептически хмыкнул:

– Экая ты, Иришка, наивная. Правильно тебе сынок твой утром говорил: боевиков да детективов не смотрели и не читали, что ли? Не знаете, какие у спецслужб длинные руки? А мы сейчас живем, как в натуральном боевике.

Ирина усмехнулась:

– У тебя, Левушка, спяну-то, от страха глаза велики стали. Прямо уж с ног они собьются разыскивая нас по просторам России – матушки! Не верю я в эту ерунду.

– Работа у них такая. Понадобится – из-под земли достанут, – механически заметил Хмелевский, допил пиво и обиженно закончил – а насчет пьянки ты зря это, Иришка. Другой на моем месте при таких обстоятельствах, можно сказать, перед лицом смерти, давно бы упился вдрызг и хрюкал под забором в ожидании мясника! А я вот скромно пивком пробавляюсь. Достань-ка еще пузыречек.

Соломатова сокрушенно качая головой извлекла из сумки очередную бутылку «Клинского» и ответила:

– Да я все понимаю, Лева. Но нам никак сейчас нельзя расслабляться. Надо так укрыться, чтоб и сам черт не нашел, пока дело это не утихнет.

– Оно не утихнет, – откликнулся Хмелевский, открывая бутылку о край скамьи, на который сидел. – Они не успокоятся, пока нас всех не разыщут и не передушат, как курей. Я, извини, это своей старой жопой чую. А скрыться от них мы можем

только где-нибудь на островах Таумоту, в тропических джунглях. Но, во-первых, денег нет туда добраться, а во-вторых, хрен нас через границу пропустят. У них все схвачено!

Соломатова взяла у него бутылку, сделала сама большой глоток и спросила:

– Вот мы с тобой все рассуждаем: «они», «у них»... А кто это на нас охотится собрался, как ты думаешь?

Лев Николаевич посмотрел на Ирину, как на малое неразумное дитя:

– А что, ты искренне считаешь, что этими делами простая милиция занимается? Да на кой мы им сдались вместе с долбаной политикой и Жирцовым! Такой фигней всегда кэгабисты увлекались по долгу службы, это ж дело, считай государственное!

– Ну, – удивилась Ирина, – так зачем же нас преследовать, убивать? Провели бы нормальное следствие, все как положено по закону. Выяснили, кто ни самом деле грохнул этого Жирцова и как он у нас в квартире... сортире очутился. А мы бы пошли как обыкновенные свидетели!

Хмелевский похлопал подругу по плечу:

– Наивная ты, Ирина Генриховна! Тут явно замешана большая политика и большой криминал. Они же у нас в Расее всегда в обнимку ходят. Но что-то у них там не так сработало, неувязочка вышла – а нам, в результате, как обухом по голове, свалился этот... Исак, будь он проклят!

– Да уж, положеньице у нас хуже некуда, – заключила Ирина, задумчиво глядя в окно. – Скоро приедем уже, Лева. Вот тетя Валя-то обалдеет. Она одна живет, детишки разъехались кто куда. Я у нее любимая единственная племянница, навещаю ее, правда, не часто. Ты не против, если я тебя представлю, как мужа... ну, второго мужа?

Лев Николаевич махнул рукой.

– Говори что хочешь. Лишь бы самогонки у твоей тети Вали было побольше, да и не совала бы она особо нос в наши с тобой дела грешные...

– Не сунет! А этого добра, без которого ты как чумной у меня, там всегда было навалом! – фыркнула Ирина и снова отвернулась к окну.

Примерно в это же время Полина Штерн, после того как привела себя дома в порядок, явилась на работу к мужу, важно прошествовала в кабинет (кинув, разумеется, презрительный взгляд на дуру-секретутку Ирину) и с порога объявила:

– Евгений, оставь немедленно все дела, запри дверь, отключи телефон – в течение часа тебя ни для кого нет. У меня суперсекретный разговор об очень серьезном деле!

– А дома нельзя? – попытался робко возразить заместитель министра здравоохранения Евгений Иосифович Штерн.

– Нет, исключено! Это не терпит ни малейшего отлагательства, — отрезала Полина и, усевшись в зеленое плюшевое кресло задымила сигаретой, ожидая, когда привыкший к повиновению супруг исполнит ее приказание.

– Слушаю тебя, Полечка. Что стряслось? – сказал через минуту Евгений Иосифович, полностью отрезав их от общения с внешним миром.

– Кабинет не прослушивается? – тоном опытного конспиратора осведомилась очаровательная Полина.

– Господи, – испугался Штерн, – ты что, до государственных тайн уже добралась, раз «жучков» боишься?

– Смотри-ка, угадал, – потушив окурок, усмехнулась Полина в то время как ее высокопоставленный муж начал медленно бледнеть и нервно постукивать по полу ногой. – Слушай меня и не перебивай. Потом будешь задавать вопросы и решать, что нам делать.

Короче говоря, вчера вечером пришла я к Лизе – ну, помнишь, я тебе о ней говорила. Моя подруга – известный экстрасенс. Она со мной так славно позанималась, что я отключилась в ее комнате до утра. Просыпаюсь утром, а в этой коммуналке, где Лиза обитает... обитала... стоит визг, шум, крики. Я вылетаю в коридор и как ты думаешь, что я там вижу?

– Что? – испуганно спросил Евгений Иосифович.

– Труп мужчины!

– О, Господи, – пробормотал Штерн, – этого еще тебе не хватало.

– Так это еще не все. Знаешь, чей это оказался труп?

– Чей? – почему-то шепотом и оглянувшись спросил заместитель министра.

– Жирцова Исака Владимировича! Нож торчал прямо из сердца и все было в крови!

Штерн машинально открыл ящик стола, достал упаковочку и проглотил, почему-то, нарушая все медицинские предписания, сразу пару таблеток.

– Ты... ты шутишь, Поля. Это бред какой-то, не может этого быть!
Ты... ты меня разыгрываешь... но зачем? Скажи, не томи...

Полина горько усмехнулась:

– Я что, Женя, дура совсем, такими вещами шутить? Говорю тебе: лежал там в коридоре собственной персоной. Но это еще не все. Пока жильцы ахали охали на кухне, я глянула на включенный телевизор и обомлела вовсе: этот самый Жирцов в прямом эфире ТВ-6 лихо болтал с ведущей. У всех чуть крыша не поехала, это ж надо такое увидеть с утра. Как в дурном сне. Но это был не сон, Женя, уверяю тебя!

Полина снова нервно закурила, глядя на откинувшегося в кресле бледного супруга. Какое-то время в кабинете стояла гробовая тишина. Потом Штерн медленно произнес.

– Так значит ты не пошутила?

– Нет же, говорю тебе, дурак! – закричала женщина чуть ли не в истерике, – прекрати задавать идиотские вопросы, давай думать: что теперь делать!

– А что теперь делать? – машинально повторил Евгений Иосифович.

– Следствие разберется...

– Какое следствие, остолоп! – прервала его жена. – Приехали вскоре какие-то страшные люди и вместо нормальных действий подпалили квартиру и весь дом! Да так умело, что все сгорело минут за двадцать. Мы едва, чудом, успели спастись! Тут дело настолько нечистое! Нас всех там, как нежелательных свидетелей, хотели просто-напросто уничтожить!

– Боже мой! – вырвалось у Штерна. – Прямо какой-то страшный боевик, кино...

– Это не кино, к сожалению, а грубая реальность. Ты представь в какой мы теперь опасности!

– Мы?

– Да, и ты теперь тоже. Все, кто об этом знает – потенциальные трупы. Дело то нешуточное.

– Ох ты, ни хрена себе! – Евгений Иосифович зашагал по кабинету, периодически останавливаясь и изумленно поглядывая на жену, будто увидел ее в первый раз. – Вот это влипли в историю! Ты права, Полечка, надо что-то делать.

Супруга презрительно фыркнула:

– Я, что ли должна? Ты вроде как мужик, у тебя власть, связи, вот ты и решай. Чтобы нас с тобой никто пальцем не тронул и Лизу Калинину тоже. Остальные мне, честно говоря, «по барабану».

К Штерну стало возвращаться спокойствие. Он уселся в кресло, пожевал губами и тихо сказал:

- Слушай, Полина. Только это абсолютно между нами.
- Естественно. Я же не самоубийца.
- Ну вот. Завтра в Москву возвращается из Бонна Петр Маркович. Ну, Глозман то есть.
- Этот твой первый вице-премьер?
- Ага. Я же у него один из личных врачей...

Полина с интересом смотрела на мужа:

- Ну, и что дальше?
- Я с ним сразу попытаюсь встретиться и поговорить.
- О чем, Женя?
- Как? Расскажу всю эту историю, попрошу разобраться, защиты и помощи...
- Думаешь, он тебе как сразу и поверит? В такую дикую нелепицу? Без фактов и доказательств? Да он скажет, что и ты, и я рехнулись: то ли с перепоя глюки посетили, то ли еще с чего.

Штерн задумчиво почесал переносицу:

- Да, дело непростое. Большая политика. Тут все будут вести себя крайне осторожно. Тем более, один то Жирцов жив-здоров и пойдя разбери, кто из них двойник.

Полина заметила:

- А может, действительно, стоит рассказать? Ведь Глозман должен хорошо лично знать Жирцова...
- Как облупленного!
- Ну вот. Он с ним пообщается поближе и наверняка должен раскусить, кто это: подлинник или копия.
- Логично. Молодец, Полечка, соображаешь!
- Да не один ты такой умный и великий на этом свете.

Полина довольная улыбнулась. Ей стало полегче – вроде бы выход наметился. Но тут же в голову пришла другая мысль.

– Слушай, а пока ты с Глоzmanом не переговорил, ведь со мной может что-нибудь случиться! Надо спрятаться на денек-другой вместе с Лизой, пока на нас, якобы случайно, грузовик не наехал.

Штерн наморщил лоб, посмотрел в окно и сказал:

– Сейчас возьмешь мою машину. Там шофер Санька, ну ты его знаешь. Он как личный телохранитель. Я велю ему отвезти тебя... вас с этой Лизой на дачу и глаз с вас не спускать. Думаю, за день-другой ничего не должно случиться. Но ты будь осторожна и никогда не оставайся одна.

– Так я могу надеяться, Евгений, что вопрос будет улажен?

– Сделаю все возможное, дорогая. Пойдем, я провожу тебя до машины. Связывайся с этой своей Лизой и сидите на даче, как мышки.

Глава VI. Приговор партии

Штаб-квартира или, по-другому, центральный комитет национал коммунистической партии располагался неподалеку от площади трех вокзалов.

Сюда и приехал, в районе обеда, Игорь Соломатов со своей подружкой Валерией Новопольских. Игорь был уверен, что его с нетерпением ждут, поэтому он спешил, информацию, которую он должен был передать вождю, Виктору Сергеевичу Анчуткину, являясь очень важной, конфиденциальной и ее ни в коем случае нельзя было доверить телефону.

Национал-коммунистическая партия России (НКПР) за последние три-четыре года набрала большую силу и политический вес. Зарождалась она еще в начале 90-х годов, когда вокруг неистового митингового трибуна Виктора Анчуткина оформилось ядро преданных его нехитрым целям единомышленников. В основном это были некогда изгнанные из КПСС маргиналы.

Их поначалу, как водится, столичные власти всячески гоняли, притесняли и запрещали. Но ореол мучеников борьбы против «преступного режима» всегда был привлекателен и вскоре партией неистового Анчуткина заинтересовались крупные политические акулы типа думского депутата, известного армейского генерала Альберта Камышова.

Он помог «братьям по идеалам» официально зарегистрироваться в Минюсте, после чего гонения фактически перестали иметь место быть.

Он познакомил вождя с нужными финансистами, отчего денежные дела некогда нищей братии, резко пошли в гору, и это привлекло еще массу сторонников.

Генерал Камышов негласно привлек к тайной деятельности на благо НКПР ряд высокопоставленных государственных чиновников, офицеров МВД, ФСБ и других «нужных контор».

Анчуткин сотоварищи расправил крылья и повел агитацию в обнищавших массах с небывалой энергией, которой позавидовали бы и Робеспьер и Ленин вместе взятые.

В результате, к концу 90-х годов, численность партии достигла цифры с пятью нулями и продолжала расти. Появилась своя молодежная организация и свой «боевой отряд» из накачанных, обученных и на все готовых по приказу вождя молодцев.

Одним из активных деятелей этих структур являлся двадцатидвухлетний безработный Игорь Соломатов, привлечший сюда же и свою подружку Леру.

Игорь, склонный к фанатичной преданности выбранному идеалу, искренне проникся идеями НКПР и лично товарища Анчуткина. Ничего нового из себя эти идеи не представляли, кроме банальных разглагольствований о несбыточном «царстве социальной справедливости»... Но на отчаявшийся народ это действовало как магнит, пьянило, как самогоном.

Игорь Соломатов не посвящался в «Святая святых» партийной доктрины, хотя об этом нетрудно было догадаться мало-мальски сообразительному человеку: банальный захват власти под старым, как мир, циничным лозунгом «цель оправдывает средства».

Молодой Соломатов фанатично, подчиняясь жесткой иерархии и партийной дисциплине, беспрекословно выполнял любые поручения как лично Виктора Анчуткина, так и командира «боевого отряда» Антона Сидоровника. Приказы здесь, как в армии, не обсуждались.

Валерия Новопольских осталась сидеть в приемной вождя, пока ее возлюбленный и товарищ по партии докладывал Анчуткину о случившемся.

Разговор был довольно долгий и, видимо, очень серьезный. Но вышел Игорь от своего партбосса весь сияющий, как начищенный сапог. С гордым и таинственным видом он увлек Леру за собой на улицу и только там сообщил:

– Виктор Сергеевич меня очень хвалил за своевременную информацию и представил к партийному поощрению. Я ему сказал, что нам теперь грозит смертельная опасность, но он успокоил: «Отсидись пару дней где-нибудь в

Подмосковье, а там мы тебя командиром куда-нибудь в Новосибирск возглавить местную ячейку». Представляешь, Лерка, какое доверие и какие перспективы для роста!

Валерия, конечно, не совсем разделяла Игоревы восторги: ей не «светила» участь «жены декабриста», уезжать от богатеньких родителей в непонятную Сибирь. Но, не желая омрачить радость любимого, она улыбалась, кивала и поддакивала.

А воодушевленный Игорь тем временем продолжал тараторить:

– Сейчас, Лерка, сядем в электричку и поедем в Лобню, к тетке.

Мама с Хмелевским туда собирались отправиться. Отсидимся, шум утихнет и рванем подальше отсюда. В ближайшее время нам в Москве не жить.

Так, не оглядываясь и не замечая ничего вокруг, они добрались до искомой платформы и забрались в поданный состав электрички. Молодые люди выбрали самый малолюдный вагон и сели, счастливо обнявшись, отгоняя от себя неприятные мысли и воспоминания.

Откуда было знать Игорю Соломатову, что он приговорен вместе с Валерией уже второй раз за этот день. Первый приговор, среди прочих, вынес неведомый им генерал Александр Владимирович Тучин. А второй – тот самый человек, вождь партии, от которого Игорь час назад вышел такой радостный и воодушевленный.

Игорь Соломатов очень бы удивился, узнав, что после его ухода, товарищ Анчуткин вызвал к себе командира «боевого отряда» Антона Сидоровника и сказал ему примерно следующее:

– Немедленно, пока Соломатов далеко не ушел, следуй за ним. Он поедет куда-нибудь в Подмоскowie. На электричке, скорее всего. Ни он, ни его баба не должны уже сегодня быть в живых. Как хочешь, но сделай это. Никого не привлекай, действуй без шума.

– Ясно.

Сидоровник, не задавая лишних вопросов, развернулся и вышел из кабинета вождя. Оружие всегда было при нем, сейчас главным стало не упустить из виду молодую парочку. Его не интересовало, за что Анчуткин приговорил товарища по партии. Он должен был любой ценой выполнить задание.

«В принципе, – думал полковник Платонов, разглядывая фотографии бывших жильцов Большой квартиры и читая подробные досье на каждого, – зря мы, наверное, такую панику подняли. Обычные тихие обыватели. Ну, погорели. От этого у многих «крыша» слегка поехала, так бывает...

Кто им поверит, какой журналист, когда они будут рассказывать о «группе Жирцова», якобы найденном перед пожаром в туалете?

Скажи мне кто такое, если б я не видел фотографию, я бы точно отправил человека в Кашенко на принудительное лечение. Тронулся, мол, бедняга с горя.

А после недавних событий, никто ничего уже не докажет, если...

Если не сохранились еще фотографии. Вполне реально, что снимок был не один. Они могли с перепугу всю пленку истратить. И где теперь, у кого эти фотки?

Тут и кроется реальная опасность, поэтому Тучин прав: лучше перестраховаться и жить спокойно, чем ожидать, что рано или поздно в какой-нибудь паршивой газетенке или телепередаче рванет эта бомба. Материал то сенсационный. А попади эти снимки какому-нибудь патологически честному менту в руки, вроде Стаса Прибыловского?

Нет, надо всех срочно ликвидировать. И без сантиментов. Только вопрос, с кого начать, у кого, по идее, могут быть фотографии?

...Иван Евсеевич, помянув добрым словом своих расторопных сотрудников, в кратчайшие сроки раскопавших для него максимум информации, принялся еще раз изучать «объекты».

Так, семья Ворониных. Андрей Васильевич, врач-отоларинголог, 50 лет. Честный трудяга, женатый на Маргарите Сергеевне, 51 года, бывшая актриса, ныне безработная, любит выпить. Лица на фотографиях простые, добродушные. И дочка у них Яна, в одиннадцатом классе учится, 18 лет, красивая девка. Эх, жалко их, черт возьми! Но что делать, такова, значит, судьба им выпала.

Другой вопрос, что «убирать» их первыми не стоит, вряд ли при их доходах они могли себе позволить купить «Полароид». А искать, похоже, следует у ближайших родственников. Кто там? Ага, жива на

сегодняшний день только мать Андрея Васильевича, проживает в поселке Лесной. Ясно.

...Платонов закурил и отложил дела семьи Ворониных в сторону. Усмехнулся, вдруг почувствовав себя кем-то вроде Господа Бога, решающего в небесной канцелярии судьбы людские. Только вот канцелярия у него, Платонова, самая что ни на есть земная...

Так. Калинина Елизавета, 32 года. Была замужем, но бездетная. Промышляет всякой экстрасенсорной чепухой. Богатенькие клиентки, на рынке оккультных услуг котируется высоко. Симпатичная мордашка, тоже жалко девчонку, но... Ага: искать ее, скорее всего, надо будет у матери – она проживает на Проспекте Маршала Жукова, дом семьдесят пять, квартира сто восемь. Ясно. У этой мог быть «Полароид», значит, ставим ее в первые ряды...

Так. Соломатова Ирина, 43 года. Разведена. Продает газеты у метро «Кузнецкий мост». Соседка по работе, прямо! Сынок у нее Игорь, двадцать два годика, безработный, активист НКП... Гм, однако! Надо будет переговорить с Анчуткиным кое о чем...

...Платонов грязно выругался вслух, подумав о кретинизме партбосса и его подручных, которые могли без мозгов и заварить эту кашу. Затем, успокоившись, продолжил знакомство со своими предполагаемыми жертвами:

Так. Хмелевский Лев Николаевич, 45 лет, разведен, был мастер спорта международного класса по стрельбе. Пьет, на пенсии по инвалидности. Да, судя по изображению, морда весьма пропитая. У этого, как и у Соломатовой «Полароид» вряд ли может быть при их то доходах. Во вторую очередь.

Ага, ага! Вот, похоже, главный претендент на первенство: Александр Александрович Фабрикант. Воротила оптового бизнеса. Да, морда породистая, отъевшаяся. Сорок годочков дяде стукнуло... Сорок первый будет вряд ли. Фирма «Восток», у арабов, значит, товарчик берет. Что ж он, при его то деньгах, в коммуналке то делал? Ну, еврейские прихоти, дело известное!

Полковник откинулся в кресле и удовлетворенно хмыкнул:

Вот у этого точно должен «Полароид» быть, а, значит и фотографии. Ух ты! Имеет визы сразу в несколько стран. А вдруг он возьмет и рванет прямо сейчас со снимками куда-нибудь в Париж? И завтра выйдет «Монд» со снимочками на первой полосе, а этот Фабрикант огребет бо-ольшущий гонорар в валюте?

...Полковнику Платонову чуть плохо не стало. Он глянул на часы: ребятишки Вербина должны быть с минуты на минуту. Так. Срочно всех погоню в Шереметьево-2. Это на сегодня главное.

Иван Евсеевич стал нервно прохаживаться по кабинету. Ну и работенку ему подкинул дорогой коллега, генерал Тучин!

Сан Саныч к вечеру этого злополучного дня почувствовал, наконец, себя в «своей тарелке». Он хоть и опоздал в контору к назначенному часу, но это не сорвало ему сделку. Покупатели терпеливо ждали его, демонстрируя тем самым полную заинтересованность и недоумевая об отсутствии таковой у Сан Саныча.

Однако, явившийся Фабрикант поспешил успокоить их: все остается в силе.

Единственное, о чем он просил, чтобы максимально увеличить долю наличности (в долларах, разумеется) с оплаты за партию товара.

При этом он соглашался – за срочность – на некоторые уступки в сумме.

Появвшись, позвонив куда-то, клиенты согласились на его условия.

Пока подписывались необходимые договоры и бумаги, один из покупателей съездил за требуемой суммой.

В итоге, к семи часам вечера Фабрикант стал обладателем такого количества «зелени», что ему пришлось крепко призадуматься: как провезти эти деньги через таможеню. Ничего умнее, чем банальная взятка таможенному чиновнику, ему, впрочем, в голову не пришло.

Сан Саныч созвонился со справочной в Шереметьево, выяснил, что до полуночи ему подходят два рейса: в Стамбул и в Вену. Фабрикант решил сориентироваться на месте, куда лететь лучше, и стал готовиться к отъезду.

В общем-то особо собираться ему было нечего: в огне коммуналки сгорело все самое ценное имущество... кроме денег и документов. Но, жалеть он не стал ни о чем: если есть жизнь и свобода, то остальное – дело наживное.

А жизнь и свобода, похоже, Фабриканту улыбались, как ласковое весеннее солнышко. Тем более, что у него помимо коммуналки, была нормальная «трешка» в Кунцево, как у всякого порядочного бизнесмена, и он даже начал строить коттедж... А в коммуналке он жил по привычке, больше из-за Яны, потому что в квартире у него обитала законная жена... с любовником. Такие странные имелись в этой семье отношения...

«Плохо, конечно! – рассуждал он про себя, аккуратно пакуя в дорожный кейс пачки долларов. – Если б удалось вывезти с собой Яну... Но это абсолютно нереально. Ноги надо унести сегодня же, пока неведомый враг еще чешется. А завтра будет поздно». Позабывшись о Яне Ворониной, он сильно рискует собственной шкурой, а альтруизм всегда был чужд расчетливому характеру бизнесмена.

Поэтому Фабрикант справедливо решил, что «за бугром» при его-то деньгах всякого добра будет навалом, в том числе и такого, как Яна.

...Аэропорт, куда Сан Саныч приехал в десятом часу вечера, жил своей привычной размеренной жизнью. В этой людной атмосфере Фабрикант чувствовал себя уверенно, как рыба в воде. Даже если предложить, что его уже ищут и преследуют, вряд ли за оставшееся до вылета в Стамбул (а лететь он решил именно туда) два часа что-либо тут произойдет.

Объявили регистрацию и Сан Саныч в приятном расположении духа направился к пропускному терминалу. В кармане брюк у него, на случай взятки лежало несколько сотенных купюр и беспокойства насчет «перебора» с наличностью он не ощущал.

Что-то недоброе почувствовал Фабрикант только тогда, когда его загранпаспорт взял из рук пограничника в будке молодой человек в неприметном костюме, и отошел с ним в специальную комнату.

Подумав, что это из-за наличности, Сан Саныч сжал купюры вспотевшей ладонью в кармане брюк и приготовился с ними расстаться.

Однако, расстаться вскоре ему пришлось с неизмеримо более важным, так как люди подполковника Вербина без лишних разговоров сковали Сан Саныча наручниками. На его протестующие возгласы не было иного ответа, как пара чувствительных профессиональных ударов, после чего Фабрикант окончательно осознал серьезность своего положения.

Внимательно изучив содержимое кейса, один из мужчин, по-видимому главный, позвонил куда-то по мобильнику:

– Там только деньги... Фотографий нет. Да, спросим. Так точно.

Когда Сан Саныча довольно бесцеремонно запихали в «Волгу» и, зажато с двух сторон, помчали куда-то в темноту шоссе, он было понадеялся, что с ним в итоге обойдутся цивилизованно и даже сохранят драгоценную жизнь.

Но, отъехав от Шереметьево-2 километров на двадцать, машина остановилась. Фабриканта вывели на обочину и, подталкивая пистолетом, погнали в ближайший перелесок. Там, при ярком свете фонарика в лицо, Сан Санычу задали только один вопрос:

– Труп ты фотографировал?

– Какой...

– Отвечай!

Фабрикант едва не упал от сильного удара в лицо.

– Я... но... у меня нет фотографий, они сгорели... наверное.

Больше его ни о чем не спрашивали. Сухо прозвучали три выстрела, один из них – контрольный.

Вскоре габаритные огни черной «Волги» растворились во мраке шоссе, ведущего к Москве.

Звонок о том, что с Фабрикантом покончено застал Полковника Платонова на докладе в кабинете генерала Тучина.

– Хорошо, – коротко бросил в трубку Иван Евсеевич. – Не наследили? Фотографий точно нет? Ну ладно. Завтра жду.

Он развел руками, глядя на мрачного Тучина.

– При этом мужике были только деньги. Все представим, как банальные разборки, ограбление. А успели мы вовремя – черт его знает, как повел бы себя этот мудака за границей, даже не имея снимков.

– Это только один, – процедил генерал сквозь зубы. – А что скажешь по остальным?

– Еще семь человек осталось. При условии, конечно, что у жильцов не было гостей. Тут остается только гадать...

– Ты кроме как гадать еще что-то умеешь делать, полковник?

– Умею! – неожиданно вызывающе сказал Платонов. – Не надо, Александр Владимирович, на меня всех собак вешать. Да, недогляд получился, но не только по моей вине.

– Ладно, – примирительно поднял ладонь Тучин. – Если завтра молодцы твои хорошо денек поработают, то забудем эту историю. Что уж поднимать-то шум... Среди этих... ну, из той квартиры есть кто-нибудь опасный на твой взгляд, а Иван?

Платонов задумчиво выпустил в потолок струйку табачного дыма:

– В принципе, все нормальные обыватели. Если у них не осталось фото, их никто из серьезных людей и слушать не станет – мало ли что несут с горя погорельцы?

– Не стоит рисковать! Проявим дешевый гуманизм, а потом локти кусать будем. Действуй, полковник, как договорились. Завтра вечером жду с докладом.

Вечером чай решили пить не на веранде теткиного дома – опасались любопытных глаз – а в кухне. Ирина и Хмелевский слегка успокоились, выслушали ахи и вздохи тети Вали по поводу сгоревшей квартиры, помылись и привели себя в порядок. Оставалось только терпеливо и с надеждой на лучшее ждать развития событий. Повлиять на них ни Ира Соломатова, ни Лев Николаевич никак пока не могли, при всем своем желании.

Тяжесть их положения усугублялась еще и тем, что они не имели возможности заявить о себе властям, как о погорельцах, чтобы их зарегистрировали, оказали положенную материальную помощь и предоставили хотя бы временное жилье.

Правда, к счастью, они сумели спасти все документы, но что от них было теперь толку, когда люди чувствовали себя не полноправными гражданами, а затравленными зверьками...

– Нас хотят заставить навсегда замолчать, чтобы мы не дай Бог, где не рассказали о том, что видели в собственной квартире, – доходчиво объяснил вкусивший первача Хмелевский тете Вале. Та сидела, испуганно вытаращив глаза и отказываясь верить, что это происходит наяву, а не в милицейском сериале по телевизору.

Ирина задумчиво прихлебывала чай и соображала, где сейчас может быть ее любимый сынок Игорь, сумеет ли он добраться до Лобни и когда это случится.

Чтобы развлечься, включили «ящик», но, как надо, наткнулись на новости, где показывали очередную думскую сварку и мелькало до боли теперь знакомое лицо Исака Жирцова. Тетя Валя испуганно крестилась и отказывалась верить племяннице, что утром мертвое тело этого жизнерадостного господина лежало в коридоре их сгоревшей квартиры.

Только хлебнувшая с горя самогонки и забывшая об осторожности Ирина собиралась убедить тетку с помощью фотографий, как в дверь дома раздались частные и продолжительные звонки.

Приложив палец к губам, Соломатова схватила Льва Николаевича за руку и быстро потащила уже плохо соображавшего сожителя в чулан. А побледневшая и все понявшая тетя Валя направилась открывать дверь – бежать было некуда, да уже и поздно.

С сильно бьющимся сердцем, прислонившись спиной к двери темного захламленного чулана, Ирина прислушивалась к тому, что происходит в прихожей теткиного дома. Оттуда доносились сначала непонятные звуки, а потом Соломатова с удивлением узнала голос Игоревой девушки Валерии.

Сообразив, что это приехали свои, Ирина выскочила в коридор и обомлела:

Лера поддерживала ее сына, бледного, в разодранной одежде с огромным кровавым пятном в области левого бедра. По лицу Игоря без слов было видно, как ему больно.

Тетя Валя что-то причитала, пытаясь помочь Валерии довести племянника до комнаты, а у самой перепачканной Леры Новопольских вид был немногим лучше, чем у Игоря, разве что ранение не просматривалось.

Ирина поняла: еще немного и этот денек ее доконает. С утра горит квартира со всем имуществом и они буквально чудом спасаются.

Теперь сын чуть не убит, но, похоже, серьезно ранен. Видимо, судьба посылает ей за что-то тяжелые испытания и, в зависимости от поведения Ирины, вознаградит ее или уничтожит.

Тем временем, Игоря уложили на кровать, разрезали ножницами то, что осталось от джинсов и Хмелевский с помощью тети Вали промыли и продезинфицировали рану. Затем Лев Николаевич, знавший некогда

толк в пулевых ранениях, совершил какие-то манипуляции с имевшимися в доме мазями и присыпками. После всего этого, Валерия осталась, всхлипывая, дежурить у постели возлюбленного, а взрослые пошли на кухню совещаться.

Предстояло решить главный вопрос: стоит ли обращаться в больницу?

Ни для кого не было секретом, что врачи, в случае пулевых и даже ножевых ранений обязаны сообщать об этом «куда следует».

– Вот они и сообщат, – заметил Хмелевский, опрокидывая в себя очередную стопку и закусывая маринованным грибочком. – А через часок-другой нагрянут те самые... любители поджигать квартиры с живыми людьми. Только на этот раз уже вряд ли останемся живы.

– Ты прав, Лева, это очень рискованно, – согласилась Ирина. – Но ведь Игорю надо обязательно извлечь пулю из ноги, иначе какая-нибудь гангрена начнется...

– ... и мальчишка инвалидом станет! – подхватила мысль племянницы тетя Валя, капая себе в рюмку валерьянку.

– Лучше инвалидом, чем покойником, – резонно возразил Лев Николаевич, наливая себе очередную дозу горячительного под неодобрительным взглядом Ирины.

– Ты, Лева, потише и со спиртным, и с резкими умозаключениями.

Лучше давай рассуждать логически. Ведь сам говорил, что за намиохотится не обычная милиция, а спецслужбы, так?

– Ну... правильно.

– А куда из больницы сообщат? Наверняка в райотдел милиции. И наверняка там ни про Жирцова, ни о нашей истории ни сном, ни духом не ведают. Не станут же они из-за каждой раны тревожить ФСБ или еще кого повыше...

– Ирочка, ты в чем-то права...

– Я во всем права! – отрезала Соломатова. – И, в конце концов я – мать, и хочу, чтоб мой сын был здоров, а не ездил в инвалидной коляске. Ты, что ли станешь его катать? Или эта девочка?

Ирина кивнула головой в сторону комнаты, откуда изредка доносились постанывания Игорька и всхлипы Леры.

– Если нам теперь собственной тени бояться, так лучше вон сразу удавиться или утопиться! – все более распалялась Соломатова. – Будь что будет, надо полагаться на везение. Как хотите, а я пошла вызывать «скорую».

Тетя Валя и Хмелевский подавленно молчали. Они понимали правоту Ирины, но страх не оставлял души этих, много в жизни натерпевшихся людей.

В районной больнице все получилось так, как и предположила Ирина Соломатова. Игоря срочно прооперировали и поставили в известность о случившемся дежурного по райотделу милиции. После чего факт огнестрельного ранения гражданина такого-то вошел в оперативную сводку по району и области.

А ночью, пока женщины томились в коридоре, ожидая результатов хирургического вмешательства, Валерия рассказала, наконец, что с ними произошло.

– Вышли мы из штаба партии. Игорь такой довольный, ему Анчуткин столько всего хорошего пообещал и наговорил, хвалил за работу... Но посоветовал на пару дней, пока он поможет утрясти дела, уехать в Подмоскowie. Ну мы и решили к вам в Лобню, куда ж еще, у меня вся родня в Москве...

– И правильно решили, Лерочка! – тетя Валя терла платочком слезящиеся глаза.

– Вот. Садимся мы в электричку, едем себе спокойно, никого не трогаем и подозрительного ничего не замечаем. Я прямо точно уверена, что за нами никакой слежки не было, да и как они могли нас найти или вычислить, ума не приложу.

– Все они могут! – обреченно махнула рукой Ирина, вспомнив слова Хмелевского, почивающего ныне в «объятиях Бахуса» на жилплощади тети Вали.

– Короче, выходим мы на станции, уже смеркается... Народу вокруг совсем немного, ведь будний день-то. Ну, идем через этот перелесок по тропинке. Медленно так идем, обнявшись... останавливаемся иногда... И вдруг в один момент из кустов – выстрелы. У Игорька реакция отличная всегда была, он тренированный. Сразу повалил меня на дорожку, а пули свистят... ужас. Мы доползли до кустарника, он подхватил меня, и мы побежали, вон, все разодрались и на джинсах это пятно кровавое.

...Валерия уткнула лицо в ладони и плечики ее затряслись. Ирина молча гладила ее по волосам, ожидая, пока девушка успокоится.

– Странно, почему вас не преследовали, чтобы... ну, закончить начатое... на них это не похоже. Наверное, тут что-то другое.

– А что, тетя Ира? Кому может понадобиться нас тут выслеживать и убивать? Зачем? – подняла Лера заплаканное лицо.

– Я тоже ничего не понимаю, девочка моя!

Соломатова обняла девушку за плечи и подумала, насколько страшной стала эта жизнь, если молодежь, вместо того, чтобы учиться, работать, растить детей вынуждена через свои кровь и страдания расхлебывать не ими же заваренную мерзкую кашу.

...Домой к тете они вернулись под утро. Ирина едва стояла на ногах от усталости – физической и моральной – навалившейся на нее за последние сутки.

Уложив отдыхать Валерию, она без сил рухнула на кровать рядом с похрапывающим Хмелевским. Но Соломатова не забыла предупредить тетю Валю, чтобы часам к двенадцати ее обязательно разбудили. Надо было не опоздать на встречу с соседями-погорельцами. С их помощью Ирина надеялась решить один очень важный на сегодня вопрос. Куда теперь девать фотографии?

Семейство Ворониных добралось до Подмосковного поселка Лесное, где проживала мать Андрея Васильевича только глубоким вечером, измотанные и усталые донельзя.

Всю дорогу и в электричке, и в автобусе, и пока шли пешком через поле, Маргарита Сергеевна хныкала не переставая. Ей до смерти было жалко и квартиру и, конечно же, все погибшее личное имущество.

– Годами наживали, Андрюша! Копили, недоедали, во многом себе отказывали и Яночке отказывали и вот, на тебе! За пятнадцать минут все превратилось в пепел! И ведь уже ничего никогда не восстановишь, Андрюша, мы ведь уже пожилые, а времена то вон какие...

И Маргарита Сергеевна, притормозив, прикладывалась к плоской коньячной бутылочке. После чего пару минут молчала, как губка впитывая живительную влагу, а потом начинала причитать заново.

Дочь Яна не обращала внимания на материнские стенания, погруженная в собственные переживания относительно всеобщей мужской подлости, и Сан Саныча в частности. Только изредка она укорительно говорила:

– Ну, мам, хватит, наконец! Люди же вокруг!

– А мы не люди? Хуже, чем с собаками... Живьем спалить хотели, гады!

Трагедийный пафос и голос Маргариты Ворониной были настолько сильны, что соседи по электричке и автобусу активно прислушивались к словам подвыпившей женщины.

А ее супруг, врач Андрей Воронин, понимая горе жены (как, впрочем и свое с дочкой) испытывал гамму самых разных чувств. Самое сильное из них – было чувство страха. Он очень хорошо отдавал себе отчет, чем, скорее всего, для его семьи закончится это незапланированное утреннее «приключение».

«В таких случаях спецслужбы свидетелей не оставляют. Любой ценой, где угодно. Если мы даже забьемся куда-нибудь в иркутскую тайгу

или в Курильские сопки – рано или поздно найдут и без лишних разговоров уничтожат. Вопрос только во времени. Поэтому у матушки больше денька-другого оставаться нельзя, надо хоть ее пожалеть!

Но куда же деваться? Неужели за просто так вот умирать, ни за что, ни про что? Ладно мы еще с Марго – худо-бедно прожили, а Яночка еще толком ничего и не видела! Ей то за какие такие грехи наказание?!»

Решив завтра обязательно встретиться на Цветном бульваре с соседями-погорельцами, Андрей Васильевич философски рассудил: или мы вместе что-нибудь придумаем, чтобы нас оставили в покое, или... конец неминуем. И доктор засвистал в сумерках какой-то заунывный оперный мотивчик, завидев издали огни материнского дома.

Екатерина Аркадьевна Воронина, семидесятилетняя старушка, лет пятнадцать назад сховавшая мужа, сельского плотника, всякого, конечно, в жизни насмотрелась. Начиная с военного лихолетья, которое ей довелось пережить еще девочкой-подростком.

Но вот видеть семью единственного любимого сыночка Андрюши в полном составе, да еще в роли бедолаг-погорельцев – такого ей и в страшном сне увидеть еще не доводилось. А тут они наяву оказались на пороге ее избы.

Накормив горемычных, старушка кое-как разместила всех по спальным местам, а сама всю ночь ворочалась не в силах сомкнуть глаз, переживая за случившееся.

Утро выдалось хмурым, накрапывал дождик, правда, теплый, июньский.

Андрей проснулся первым, сходил «на двор», покурил, соображая, не приснилось ли ему все вчерашнее. Но придя к неутешительному выводу, что нет, не приснилось, умылся и потихоньку включил телевизор.

Шла передача «Криминальный экран». Женщина в форме майора милиции с невменяемо аристократической фамилией Бурбон-Карпович рассказывала о происшествиях в Московской области за последние сутки.

Насторожившийся Воронин приготовился услышать о пожаре, испепелившем их жилище. Однако, был показан лишь огонь, лижущий стены какого-то совхозного курятника. Еще был показан пожар, уничтоживший привокзальный савеловский туалет. Но об огненной стихии при помощи которой вместе с домом по Четвертаковскому переулку был кремирован труп кандидата в премьер-министры страны Исака Жирцова не было проронено ни слова.

Андрей Васильевич, вполголоса матерясь, чтоб не разбудить сладко посапывающих домочадцев, уже готовился выключить телевизор, но тут...

Ему пришлось увидеть уже второй за эти сутки знакомый труп.

К ужасу Воронина, он узнал в мужчине, чье тело с тремя пулевыми отверстиями было найдено в лесопосадках неподалеку от аэропорта Шереметьево-2, своего бывшего соседа по квартире Сан Саныча Фабриканта.

Сообщалось, что директор ООО «Восход» был убит в ходе, видимо, криминального «наезда» и с целью ограбления: при нем был обнаружен билет на самолет до Стамбула, но ни копейки денег и никаких вещей.

Андрей Васильевич машинально опустил на табуретку и тупо уставился на экран, где картинка уже сменилась и народу показывали очередные «ужасы нашего городка».

«Вот оно, отстрел начался!» – в панике думал Воронин и его обуяло желание немедленно бежать, спрятаться хоть в стоге сена на задах дома и не вылезать оттуда до окончания всей этой ужасной истории.

Но он быстро взял себя в руки и пошел в соседнюю комнату будить жену.

– Как... что... где мы? – села на кровати Маргарита Сергеевна, усиленно протирая глаза.

– Дома ты, у моей мамы, – терпеливо объяснил ей Андрей Васильевич. – Иди во двор, умойся и включай мозги. Там на кухне тебе на утро глоточек коньячку остался, похмелись.

Через десять минут экс-актриса сидела за столом и, с растущим ужасом на лице, слушала рассказ супруга. Ей казалось, что, идет вторая серия дурного сна и хорошо бы еще – выпить и проснуться...

– Что же делать, Андрюшенька, я боюсь... Нас всех уничтожат, как этого... Фабриканта. При его-то деньгах – и то на спасся... куда уж нам... – в глазах Марго стояли слезы, и тут же послышались рыдания Яны Ворониной, которая, войдя, тихо прислонилась к притолоке и оказалась свидетелем разговора матери с отцом. То ли девушка плакала о бывшем любовнике, то ли от страха за свою жизнь.

Мать Андрея Васильевича что-то ставила на стол, призывая всех позавтракать, но Ворониным было явно не до того. Екатерина Аркадьевна особо и не настаивала, понимая, что в семью сына пришла большая беда и всякие мелочи сейчас неуместны.

Тем же утром в другом районе Подмосковья, где в основном располагались фешенебельные строения разного рода «хозяев новой жизни», на большой мягкой кровати в двухэтажной даче с круглыми средневековыми башенками проснулась Лиза Калинина.

С грустью она отметила, что за окном накрапывает дождик, а при мысли, что вчера она лишилась своей уютной комнатки с множеством разных очаровательных вещиц, ей стало совсем нехорошо.

И уж полную тошноту, подкатывающую к горлу, Лиза почувствовала,

когда вспомнила о том, что ее преследуют некие темные силы, которые вчера чуть было из ее холеного тела не сделали кусок горелого мяса. И неизвестно еще, чего они замышляют.

Закончив утренний туалет, Калинина спустилась на застекленную веранду, где уже пила утренний кофе хозяйка дачи Полина Штерн.

Тут же присутствовал шофер и, по совместительству, телохранитель Полининого супруга. Вчера он, как и было велено, не отходил от подруг ни на шаг и, когда они, созвонившись, встретились у ГУМа, сразу помчал их на хозяйскую дачу.

– Доброе утро, Лизонька! Как спалось?

Голос и лицо Полины выражали умиротворенную радость, которая приходит к каждому нормальному человеку, если он оказывается на лоне природы.

– Спасибо, Полечка, плохо. Снилось всякая гадость. Надо посмотреть наши гороскопы (вчера было не до того), у меня почему-то дурные предчувствия...

– Да, у тебя появились круги под глазами.

Штерн звякнула фарфоровой чашечкой о блюдечко, налила из кофейника крепкого, итальянского помола, кофе и серьезно сказала:

– Я вчера беседовала с Евгением... Он обещал поговорить с одним большим человеком... ну, очень большим... Такие решают практически любые проблемы. Только будет это не раньше завтрашнего дня, а пока мы отсидимся тут. Здесь нас вряд ли найдут и тронут.

Лиза благодарно глянула на клиентку и подругу, надкусила печенье и заметила:

– Очень на тебя надеюсь, Полина. Мы попали в чудовищный переплет, это был катастрофический день... Надо срочно всем вместе выбираться...

Штерн улыбнулась:

– Знаешь, моему рохле, все же, можно верить. Когда наступают определенные сложности, он всегда мобилизуется. Тем более, если это касается и его шкуры.

Лиза удивилась:

– А он то причем тут?

Все, кто хоть косвенно причастен к этой истории, подвергаются серьезной опасности. Я же ему сказала...

Калинина задумчиво посмотрела на капли дождя, стекающие по стеклу веранды:

– Мне придется сегодня после обеда съездить в город. Во-первых, если помнишь, Ира Соломатова назначила всем соседям встречу – надо обменяться информацией и решить, как быть дальше. А, во вторых, мне надо встретиться с мамой и все ей рассказать. Она, наверное, с ума уже сходит, если узнала обо всем...

Полина покусала губки и ответила:

– Насчет первого я не возражаю, съездишь на машине с охраной.

Надо быть, конечно, в курсе дел. А вот к матери... Если они нас ловят, то в первую очередь, у ближайших родственников. Это очень опасная затея, Лиза!

– Ладно, ты, наверное, права. Стоит ограничиться телефонным звонком. И, кстати, велю маме говорить, что она не знает, где меня искать. Если что... Мол, дочка куда-то срочно уехала и все тут.

Полина разрезала апельсин на четыре части, протянула дольку подруге:

– Вот и правильно. Наша задача – сидеть в норке тихо, как мышки, пока кот на нас охотится. А там видно будет. Но осторожней, милая – мамин телефон могли уже поставить на прослушку...

После завтрака, с настроением куда более лучшим, чем при пробуждении, Лиза Калинина отправилась составлять гороскопы на ближайшие дни в свою комнату, а Полина Штерн уселась за карточное гадание.

Люди, которых командир «группы Зет» подполковник Вербин по приказу Платонова назначил на операцию уничтожения, не имели имен.

То есть, где-то у них были удостоверения, личные дела... Но на рабочих дежурствах, которые могли продолжаться неделями и месяцами, они носили псевдонимы.

К «делу Жирцова» Вербин привлек: Цезаря, Августа, Рема, Нерона, Тулия. Столь же беспринципные, сильные и жесткие как их исторические прототипы, эти наемники привыкли без рассуждений выполнять любой приказ. Им все равно было кого прикончить или покалечить: от президента до младенца. Полная роботизация сознания и поступков была достигнута не только воспитанием и спецподготовкой, но и с помощью некоторых новейших препаратов...

Отправив на тот свет Сан Саныча, они готовились на следующий день разыскать и отправить ему вслед остальных обитателей бывшей Большой квартиры.

Единственная загвоздка для них заключалась в том, что желательно было обставить все, как несчастные случаи. Это усложняло задачу, поскольку просто всех перестрелять не составляло никакого труда даже среди бела дня – в случае задержания, родная «контора» гарантировала этим людям безнаказанность.

На утренней летучке подполковник Вербин распределил роли. Лиза Калинина поручалась Рему. Найти ее было непросто, но Вербин с Платоновым были уверены, что та рано или поздно позвонит и отдали приказ поставить на прослушивание и определение номера, с которого звонят, телефон ее матери.

Сам Рем занял наблюдательный пост в машине возле подъезда родительского дома Лизы по проспекту Маршала Жукова. Информация о звонке Калининой своей матери могла быть передана в любой момент и тогда Рем начинал действовать. Все решили, что вряд ли возникнут какие-либо сложности с одинокой прибабахнутой экстрасеншей, поэтому в помощь Рему никого не придали – он имел возможность только в случае надобности воспользоваться техническими возможностями «группы Зет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.